

Степан Кулик

Н
О
В
И
К

Сабля, трубка,
конь казацкий

Новик

Степан Кулик

Сабля, трубка, конь казацкий

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кулик С.

Сабля, трубка, конь казацкий / С. Кулик — «АСТ»,
2016 — (Новик)

ISBN 978-5-17-098022-2

Дикое Поле... Именно так помечены на всех старинных картах ничейные, безлюдные земли на стыке трех самых могущественных государств в этой части света XVI–XVII веков. Непрерывно полыхающий многотысячными сражениями, небольшими стычками и одинокими схватками огонь противостояния католицизма, магометанства и православия. Кто победит, чья возьмет, кому заселять эти бескрайние просторы? Конечно же, история не имеет сослагательного наклонения, и мы знаем или можем посмотреть справочную литературу, чтобы узнать, чем все закончилось. Но это если сейчас, сидя на диване или выйдя на балкон... А если очнуться прямо там? Голому, босому, с одной лишь дымящейся трубкой в руке...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-098022-2

© Кулик С., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Степан Кулик

Новик: Сабля, трубка, конь казачий

© Степан Кулик, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Ночь тиха, и небо звездно.
У бивачного огня,
Братцы, слушайте меня...*

Д. Бедный

Часть первая

Omnes viae setscham ducunt¹

Глава первая

Хорошо лежать в лопухах. Во всяком случае, гораздо удобнее, чем в колючем репейнике или зарослях жгучей крапивы. Особенно когда на тебе ни единого лоскутка одежды. Как на новорожденном младенце... Наверно, поэтому сердобольные аисты подбрасывают их не куда придется, а в основном на капустные грядки. Лопухи и прочая прибрежная мурава не вполне адекватная замена пеленкам-распашонкам и прочим подгузникам, но могло быть и хуже...

Метрах в тридцати ниже по течению неизвестной речушки – на берег которой я только что каким-то образом попал прямо из лоджии городской квартиры – горело несколько костров. И мне очень не нравилась картинка, которую удавалось разглядеть в отблесках пламени. Совершенно не нравилась.

Возле огнищ хозяйничали десятка полтора мужчин, разодетых как для съемок фильма о Диком Поле времен Золотой Орды или Османской империи. Я не большой знаток моды, тем более старинной, но восточные халаты, мисюрки², тюрбаны, а главное – сабли и ятаганы, висевшие у пояса воинов, говорили сами за себя. Будь это отряд каких-нибудь современных басмачей или моджахедов, хоть один да поигрывал бы автоматом. Особенно перед пленниками. Это же так приятно, когда можно безнаказанно унижать других, ощущая себя героем...

Имелись и пленники. Много... Отсвета костров было недостаточно, чтобы сосчитать сгрудившихся в плотную кучу бедолаг. Но никак не меньше полусотни. В основном, судя по платкам, женщины... А еще время от времени взлетающее чуть повыше пламя выхватывало из тьмы груженные доверху телеги и стадо коров, пасущееся за пределами лагеря.

Человеку, вышедшему покурить на балкон городской квартиры и вдруг оказавшемуся черт знает где, разное приходит в голову. От мысли о сновидении и до сумасшествия... Но я почему-то был уверен, что не сплю и пребываю в здравом рассудке. Хоть и несколько вкоченном.

Возможно, измученный предыдущими наваждениями, я подсознательно уже ожидал чего-то подобного. Или, может, обладал стрессоустойчивой психикой, изрядно закаленной современной методикой обучения в вузах? В любом случае происходящее я воспринял как «реальность, данную нам в ощущениях», и больше к этой теме не возвращался.

Отвлеченность мыслей уместна под торшером, в мягком кресле, с чашкой ароматного кофе, а не в тот момент, когда лежишь нагишом в мокрых лопухах, а от весьма неприятных и болезненных проблем тебя отделяет неосторожное движение или один-единственный чих...

При этом я даже не могу воспользоваться весьма актуальным советом для «воробья, попавшего в дерьмо», в смысле – сидеть и не чирикать. Поскольку густая ночная роса, еще более обильная возле реки, даже летом совсем не теплая. И если мне придется пролежать здесь до утра, то одним чиханием не обойдется.

Медленно, очень медленно... буквально по миллиметру я начал пятиться. Но уже в следующее мгновение замер, старательно вжимаясь в землю. Сожалея, что не могу распластаться, как камбала под китом...

---

¹ Все дороги ведут на Сечь (лат.).

² Тип шлема.

Один из воинов, отошедший от костра на пару шагов по малой нужде, вдруг резко повернул голову и пристально посмотрел в мою сторону.

Несмотря на то что нас разделяло приличное расстояние и ночная тьма, я мог бы поклясться, что если хотя бы взгляну в ответ – он меня заметит. Татарин запахнул халат, настороженно потоптался на месте и сделал несколько шагов вперед. Постоял, вглядываясь и прислушиваясь. Потом произнес что-то вопросительным тоном. Отвечать я, естественно, не стал.

Секунды растянулись до минут. Я, кажется, даже дышать перестал. Только поглядывал украдкой, с замиранием сердца ожидая, что мой кошмарный сон, ставший постоянным на протяжении последнего месяца, вот-вот окончательно превратится в явь, и шея ощутит прикосновение стального клинка...

Татарин ждал, напряженно всматриваясь в темноту, одной рукой придерживая перевязь, а второй оглаживал рукоять сабли.

– Кемдэ булса бармы монда?³

Сперва меня бросило в жар, а потом по спине, между лопатками словно ледяной ветерок пронесся. Наверно, именно так ощущает себя мышь, притаившись под веником.

К счастью, обошлось. Воин проворчал какую-то короткую фразу, сделал пальцами «козу», традиционный знак, отгоняющий злых духов, повернулся ко мне спиной и потопал обратно к огню...

Уф... Так и заикой недолго стать. Как же он все-таки меня учуял? Услышать не мог, унюхал, что ли? Офигеть! Это ж какое обоняние надо иметь, чтоб...

«Черт! – меня словно током пронзило. – Трубка!»

От свалившихся треволнений и прочего душевного смятения я совершенно позабыл, что до сих пор сжимаю в кулаке курящуюся трубку. И удивляться следует не тому, что татарин почувствовал запах табака, а что никто не сделал этого раньше. Ветерок-то от меня к ним веял... Видимо, помешал дым костра.

Стараясь не делать лишних движений, я ткнул трубку чашкой в землю.

Вот ведь ирония судьбы: гол, как сокол или этот... святой, который из чрева китового вылез, – зато с трубкой. Самая, блин, необходимая в быту вещь во все времена! Лучше б зажигалку или коробок спичек прихватил, олух... И то больше пользы.

«Да, ё-мое, что ж такое?! Что не сделаю – все не в лад!»

Я так поспешно отдернул руку, которой вдавливал чубук в землю, будто змею задел.

Нельзя тушить! Без огня не выжить... Это и диванному жителю известно. Правда, в основном из книг или реалити-шоу. А у меня, благодаря деду и отцу, опыта гораздо больше. И не подсмотренного чужого – собственного.

Сомневаться, что ордынцы утром уйдут, не позаботившись затоптать, а то и залить костер, не приходилось. Уж кому, как не потомственным пастухам и коневодам знать, на что способен степной пожар. Так что единственная надежда развести огонь завтра – тлеющий уголек в трубке.

Я торопливо ухватил мундштук губами и чуть-чуть затянулся. Покрывшись очередной испариной – от страха, что табак успел потухнуть. К счастью, жар еще теплился... Но едва-едва.

Возможно, покажется странным, что я так сосредоточился на проблеме сохранения огня, отложив решение других вопросов до более подходящего момента. Но это, если не доводилось встречать рассвет в мокрой одежде, зная, что посушиться и обогреться негде. А еще – если подлинность окружающей действительности вызывала сомнения – уголек в трубке был настоящим. И разум уцепился за него, как рулевой потрепанного штормом клипера за свет маяка.

---

³ Кто здесь? (там.)

...Я уже отполз шагов на десять, когда в лагере ордынцев поднялся шум. В той стороне, где содержались пленники, возникла какая-то нехорошая суета, сопровождаемая воплями, болезненными вскриками и бранью... Несколько охранников кинулись на помощь своим. Кто-то из оставшихся подбросил в угасающие костры хвороста, чтобы добавить света, но лично мне это ничуть не помогло.

Неразличимая во тьме возня продолжалась еще какое-то время. Оглашая побережье звуками, характерными для ожесточенной драки. Но вскоре все поутихло. До меня долетали только ворчание басурман и негромкие, жалостливые причитания женщин.

Потом двое нукеров притащили неподвижное тело и бросили его у ног своего господина. Во всяком случае, этот татарин был одет гораздо богаче других и чалму носил зеленого цвета. А я где-то читал, что головной убор такого цвета полагается за какие-то особенные заслуги.

Бек⁴ что-то спросил. Видимо, у пленника, – потому что не дождался ответа и задал вопрос второй раз. Громче... Теперь обращаясь к стражникам... Выслушал их и отдал приказ.

Один татарин встал в ногах, второй – у изголовья, и оба принялись стегать пленника плетками. Тот лежал, как бревно, и по-прежнему не издавал ни звука. Может, сила воли у человека железная, а может – просто потерял сознание и ничего не чувствовал.

Я успел насчитать восемнадцать ударов, прежде чем бек повелительно поднял руку. Нукеры тут же отошли в сторону. Главный татарин встал, подошел к невольнику, сунул ему в лицо носок сапога и что-то требовательно произнес.

Видимо, на этот раз тот ответил.

Бек взвыл от злости и отдернул ногу так быстро, словно наступил на змею. Потом опомнился, взял себя в руки и... громко рассмеялся. Не знаю, как пленнику, а мне его визгливый хохот совсем не понравился. Потому что так смеются, прежде чем плюнуть на могилу закланного врага...

Нукеры подхватили невольника под руки и поволокли к ближайшей вербе. Там поставили бедолагу на ноги и стали привязывать к дереву...

«Ё-моё!»

Приготовления ордынцев так напоминали финальную сцену из гоголевского «Тараса Бульбы», что меня чуть не стошнило.

Похоже, на моих глазах собирались живьем сжечь человека, а я ничего с этим не мог поделать. То есть совершенно ничего! Был бы у меня автомат или хотя бы пистолет... Тоже безумие, учитывая, что врагов больше десятка, но хоть какой-то шанс. А с голой задницей много ли навоюешь? Я не компьютерный «задрот» – и в секции ходил, и отец кое-что показывал. Именно потому возможности свои знаю... Не Чак Норрис и не Емельяненко... То есть совсем «не». Но ведь и смотреть на готовящееся изуверство просто так невозможно!

В каком-то старом фильме фашисты, чтобы заставить говорить советского разведчика, пытали на его глазах другого человека. Так у разведчика инфаркт случился... от сопереживания чужим страданиям.

Насчет инфаркта – я слишком молод, зато голова, кажется, вот-вот взорвется. Даже кровь из носа пошла... Нет, точно не выдержу! Черт! Как глупо. Убегу – всю жизнь буду терзаться, что струсил. Брошусь спасать – сам пропаду. И хорошо, если быстро убьют, а не привяжут рядом.

К счастью, пока я мучился проблемой выбора, все неожиданно закончилось само собой.

Басурмане всего лишь крепко привязали строптивного пленника, непонятно посмеиваясь при этом, но больше не били и... вообще оставили в покое. То ли просто утихомирили и отделили наиболее строптивного от остальных, то ли – отложили экзекуцию до утра.

---

⁴ Атаман, предводитель (*там.*).

А еще спустя некоторое время лагерь уgomонился и уснул. Кроме троих часовых. Один из которых сидел спиной к костру всего в нескольких шагах от невольника. Так что, как бы мне ни хотелось – от мысли попытаться его освободить пришлось отказаться.

Для очистки совести я выждал еще немного и, только когда окончательно убедился, что ничем не смогу помочь бедолаге, зато наверняка потеряю огонь, – пополз прочь. Скрипя зубами от досады и проклиная татар. А когда удалился достаточно, чтобы потерять из виду отсвет костров, поднялся и пошел самым быстрым шагом, каким только можно передвигаться по незнакомой местности в предрассветной полумгле. Когда звезды уже не светят, а солнце едва подкрасило горизонт на востоке, тем самым делая противоположный край неба еще темнее. При этом ощущая всем телом «правду жизни», но не в состоянии найти произошедшему со мной хоть какое-нибудь логическое объяснение.

* * *

Случилось все примерно час или полтора тому назад...

Ощутив ледяное прикосновение клинка к горлу, я открыл глаза и рывком вскочил с тахты. Ну, или сперва вскочил, а уже потом открыл... Вытер вспотевший лоб и дрожащей рукой нащупал на тумбочке трубку и кисет с табаком. Курить не хотелось совершенно, но привычные движения отвлекают, успокаивают.

Отброшенное одеяло сползло на пол, и очередная подружка, оставшаяся у меня на ночь, недовольно заворочалась, когда прохладный воздух из кондиционера обдул обнаженное тело. Весьма, кстати, недурственное... если особо не привередничать. Вот только в плане избавления от кошмаров, к сожалению, такое же бесполезное, как и все предыдущие варианты.

Жуткое сновидение объявилось снова, несмотря на общее утомление организма, две таблетки снотворного и пресловутый «ночной колпак». Да не двадцать граммов, на аглицкий манер, а нормальные для здорового мужика полстакана.

Вообще-то я равнодушен к спиртному, так что в дело пошла бутылка коньяка, початая отцом еще на Новый год, когда родители выбрались в город, провести единственное чадо. Но, честное слово, нет больше никаких сил терпеть это наваждение, с маниакальным упорством преследующее меня каждую ночь...

Какое только снотворное я ни перепробовал за последние две недели, где и с кем бы ни засыпал – итог неизменный. Ближе к утру в ушах или прямо в мозгу раздается конский топот, скрип седла, слышится чужая гортанная речь и... я вскакиваю от прикосновения к шее ледяного острого сабли. И ощущение настолько реальное, что в первые дни я ощупывал себя, в поисках кровоточащего пореза.

Хоть психиатрическую бригаду вызывай или «голубых ангелов», которые углубленных в себя пациентов из запоя выводят и от «белки» лечат. Только ведь не поверят доктора, симулянтом сочтут. Решат – что я изобрел еще один способ откосить от армии.

Положим, я, как и большинство моих современников, в ряды вооруженных сил особо не рвусь, это факт. Но не через «дурку» же с темы прыгивать. Если на учет в диспансер поставят или, не дай бог, реально начнут лечить – всё, будущее пропало. С клеймом «псих» – престижной работы не видать даже в наших краях. А за бугор так и вовсе рыпаться нечего. Да и в личной жизни запаришься всем и каждому доказывать, что нормальный, без придури... Особенно когда уже и сам в этом начинаешь сомневаться.

Я поднял с пола одеяло и прикрыл им свернувшуюся калачиком, но так и не проснувшуюся девушку. Пусть поспит. Не ее вина, что «убаюкивание» не сработало – старалась, как могла. Надо будет утром как-то потактичнее узнать ее имя и продолжить знакомство... Особенно если она еще и завтрак сумеет приготовить, а не только кофейный порошок в кипятке разболтать.

Осторожно ступая, я вышел на балкон. Отодвинул в сторону застекленную раму и вдохнул ночного воздуха. В этом году торфяники еще не горели, так что можно было дышать не только через кондиционер.

Впервые канитель с кошмарами возникла примерно в начале мая... Сразу после праздников. Когда жизнерадостный весенний семестр пусть и неторопливо, но неотвратимо скатывается в омут зачетов и экзаменов.

Именно тогда отцами-аксакалами нашей альма-матер было принято судьбоносное решение. К юбилею Петра Игнатьевича – последние четверть века бессменного ректора университета и большого почитателя творчества Гоголя – осуществить постановку спектакля по мотивам повести «Тарас Бульба».

А поскольку бюджетом учебного заведения никакие, хоть трижды юбилейные, спектакли не предусмотрены – постановку решили осуществить собственными силами. Или, как пошутил декан факультета органической химии: «Если нет денег на артистов, надо изыскать Тараса Бульбу, а также всех прочих казаков и ляхов в рядах студентов и аспирантов».

Совет «мудрейших» добродушно посмеялся и назначил шутника ответственным за постановку.

Бывший мастер спорта по тяжелой атлетике трудностей не испугался и с энтузиазмом приступил к организации торжественного мероприятия – в тот же день переложив его на плечи своего зама. Назначив ее не только режиссером спектакля, но и продюсером. Со всеми правами и обязанностями. Мол, «Владлена Александровна, вы всегда меня уверяли, что наши студенты безумно талантливы, а неуспеваемость – случайность и стечение обстоятельств. Теперь имеете шанс это доказать на деле».

Так юбилей ректора и... два весьма ощутимо назревающих «хвоста» по смежным предметам привели меня в актерскую труппу. А внушительный рост и крепкое телосложение – и вовсе выдвинули на главную роль.

Здраво рассудив, что зачисленная автоматом сессия и хорошие отношения с деканатом студенту четвертого курса не помешают, я не стал отнекиваться, ссылаясь на косноязычность, косолапость или сколиоз, а поблагодарил Владлену Александровну за оказанное доверие и принялся старательно вживаться в образ казачьего полковника.

А без чего казак немыслим, кроме коня и сабли? Правильно. Поэтому я тоже начал с трубки...

Тот, кто считает, что это плевое дело – профан и невежда. Курение трубки и сигарет отличаются так же, как настоящая чайная церемония и разбавление кипятком вчерашней заварки.

Поверьте на слово – это целая наука! Я бы даже сказал – философия... Для трубки необходимо не только желание подымить, но и все остальные части удачного randevu – место, время и настроение. Она требует от курильщика внимания и уважения. Почти как девушка... Ибо так же обидчива. Одинаково способная и удовольствие доставить, и превратить близость в сплошную нервозность.

Причем это только в части ритуала... А уж о том, как правильно подобрать трубку, какую выбрать курительную смесь, вообще написаны целые научные трактаты. Но все равно, пока сам не попробуешь – до конца не поймешь.

Честное слово, с невестой и то мороки меньше. Не зря же в одной старинной песне какой-то казачий полковник или целый гетман сменял жену на табак и трубку. А народ напрасно говорить не станет.

Конечно же, я не сразу стал таким умным. Но потихоньку освоился и втянулся. Да так, что сам не заметил, когда вместо демонстративной показухи впервые получил от курения настоящее удовольствие.

Скорее всего, в тот день, когда консультант, приглашенный Владленой Александровной из драматического театра (я так и не понял, кем он там трудился), одолжил мне, как он выра-

зился, подлинную казацкую люльку, взятую на время из реквизита театра. Да не какого-нибудь голоштанного сечевика-нетяги, а самого Ивана Сирка! Легендарного атамана Коша Запорожского...

Насчет подлинности я бы усомнился. И дело не в том, что уж слишком хорошо трубка сохранилась за прошедшие полтысячи лет. Если рассматривать ее не как материал, из которого сделана, а вещь в целом – то почему бы и нет?.. От того, что чубук или мундштук по мере износа меняли – не делает трубку другой, а всего лишь продолжает ее историю.

Сомнения вызывала привязка к конкретному казацкому атаману. Театральная трубка была пенковой, а прославленный куренной курил люльку из корня груши. Ну, или какой-то иной древесины. Если, конечно, верить картине Репина. Той самой, где запорожцы письмо пишут... Поскольку других свидетельств, что именно курил... и курил ли Иван Сирко вообще – не нашлось.

Впрочем, это к делу не относится, зато буквально со следующей ночи меня начали посещать те самые предрассветные сновидения, от которых я просыпался в холодном поту и с бешено колотящимся в груди сердцем.

Казалось бы, чего проще – брось курить или смени трубку – и всё закончится... Но как заядлый наркоман, прекрасно осознающий смертельную пагубность привычки, все равно ищет очередную дозу, – я снова набивал табаком чашку, вырезанную в виде куриной лапы, удерживающей яйцо, и раскуривал «раритетную» трубку. Догадываясь и предчувствуя, что столь странная история не может закончиться просто так. Но мне, до зуда в... спине, хотелось узнать ее продолжение.

Трубка была набита с вечера, так что оставалось только поднести спичку. От горького дыма запершило в горле, голова закружилась, мир затанцевал, и я рухнул ничком... в траву. Успев удивиться: откуда взялся дерн на балконе шестого этажа? А очнулся уже здесь... Где-то в степи...

* * *

К счастью, легкий ветерок под утро изменил направление и задул от переправы, благодаря чему я смог раскурить трубку как следует, не опасаясь, что запах табака донесется до татар. Пара торопливых и жадных затяжек чутко успокоили нервы и вернули возможность рассуждать. Если не хладнокровно, то хотя бы здраво. И принимать такие же решения.

Перво-наперво я вырыл в берегу яму и напихал в нее столько сухой травы, сколько смог наскрести вокруг, не теряя лишнего времени. Потом вывершил получившуюся кучу сена самым тонким хворостом, который удалось собрать под кустами... Придавил несколькими ветками потолще. Приготовил еще с десятков, чтобы были под рукой, и, понимая, что дольше тянуть нельзя, попытался разжечь костер.

Трава оказалась достаточно сухой или просто повезло, но уголек прижгся сразу. Пары секунд не прошло, как травинки рядом с ним почернели, задымились, а там и огонек заплесал. В мгновение ока он сожрал половину сена, проваливаясь внутрь кучки, но не пропал – перепрыгнул на ветки... Закряхтел довольно, набирая силы. А там и сучья в ход пошли...

Подложив побольше дровишек, я наконец-то разогнулся и встал прямо над ямой. Не зря первобытные люди огонь если не божеством, то божественным даром считали. Ух, здорово! Настолько хорошо, что ни о чем больше думать не хочется. Так бы и плыл в потоке теплого воздуха, возносясь все выше и выше. Прямо к облакам...

От ощущения полета голова слегка закружилась... и заворчал живот, возвращая меня с небес на землю. Сволочь ненасытная. Не мог пару часиков подождать? Я же никогда в такую рань не завтракаю.

Блин! Напрасно я о завтраке вспомнил. Большая кружка горячего кофе и поджаренные тосты с сыром и колбасой тут же возникли перед глазами. Даже слегка подгорелым запахло.

– Ой!

Горел-то, оказывается, я. Разгулявшееся пламя ухитрилось лизнуть лодыжку. Не всерьез, только волосы «сбрило».

– Но-но, не балуй...

М-да... Шутки шутками, а вляпался я, похоже, крепко. А ведь было время, когда принципиально перестал читать истории о попаданцах, полагая, что после «Янки при дворе короля Артура» пера Марка Твена на эту тему ничего стоящего уже написать невозможно. И вот... сам попал, как кур в опил.

Куда? А бог его знает... Степь да степь кругом... Одно понятно, судя по тем подсказкам, что можно извлечь из обоза: на севере живут славяне, на юге – басурмане. Время – я бы прикинул век шестнадцатый... Плюс минус сотня. В общем, тот период, когда ордынцы на Русь за живым товаром ходили. Точнее определиться не получается. Слишком мало данных... Что я ночью, да в таком смятении, мог разглядеть? Откуда пришли и куда направление держат. Оружие, одежда, говор... Крохи. Но и того, что увидел, вполне хватает для весьма неутешительного вывода.

Гаплык! В смысле тушите свет...

Голый, безоружный, без каких-либо припасов и без гроша за душой. До ближайшего жилья наверняка десятки, если не сотни километров. А первые встреченные люди вполне могут оказаться не мирными поселянами, а разбойниками или людоловами. Единственное отличие которых в том, что харцызы⁵ не всегда берут ясырь⁶, а просто грабят и убивают. Чтобы не заморачиваться с невольниками. А поскольку с меня взять нечего – убьют наверняка. От злости или для потехи... Такая вот перспектива.

Проклинать небеса за несправедливость или пытаться понять: что же произошло и как такое вообще возможно – бессмысленная трата времени. Даже начинать не буду. Но и засиживаться у костра тоже нечего. Сейчас я еще относительно сыт и общее состояние, кроме некоторого дискомфорта от наготы, вполне на уровне, – но это ненадолго. Максимум на сутки.

Охотиться голыми руками я не умею. В съестных травах и корешках тоже не разбираюсь. Кроме заячьей капусты никакой дикорастущей пищи никогда не пробовал. Да и она, кажется, только в лесу растет. Значит, если хочу выжить, надо пробираться к людям, пока есть силы. Но и топать куда глаза глядят тоже не вариант. Кое-какие приготовления я все же могу и обязан сделать.

Во-первых – еда.

Не факт, но почему бы не вернуться к стоянке басурман, когда они уйдут, и не пошарить там? Татары были без собак, значит, какие-то объедки вполне могли у костров остаться. Противно побираться, но голод не тетка. Да и сперва найти надо хоть что-то, а уже потом нос воротить.

Во-вторых – вода.

Это степь. Что означает полное отсутствие тени... Днем солнце так припечет, что семь потов сгонит. К вечеру сплунуть нечем будет. А там же – на месте бивака, вполне какая-то емкость могла остаться. Черепок... или хотя бы тряпка, которую можно пропитать водой. Вроде бы мелочь, но, как учил отец, бывают случаи, когда именно они определяют расстояние между жизнью и смертью.

Заодно, может, хоть частично получится вопрос с отсутствием одежды решить. Стыдливость – дело десятое, тем более когда тебя никто не видит. Куда больше меня солнечные ожоги

---

⁵ Разбойник (там.).

⁶ Плен (там.).

волнуют. Этим летом я еще ни одного часа на пляже не был, да и вообще – на открытом воздухе. Это раз... А два – обнаженный организм сильнее потеет – что значит – быстрее теряет влагу.

На позабытые в кустах шаровары или халат я, конечно же, не рассчитываю, но какие-то лохмотья вполне могут остаться. А когда в хозяйстве нет вообще ничего...

Ну и последний аргумент в пользу возвращения – след обоза. Людоловы не из пустыни пришли. И двигались при этом не кратчайшим путем, а от водоема к водоему. Лошадей и волов поить надо. Скотина не человек, ей потерпеть не прикажешь... В моей ситуации о лучшем проводнике и мечтать не приходится.

Прежде чем уйти, я подложил в костер еще сучьев. Потолще. Чтобы жар под слоем пепла сохранился. Кстати, угольки тоже придется с собою брать. Так что не прав я насчет трубки. Пригодится в хозяйстве. Еще как пригодится. В общем, как говорили мудрые, если радоваться мелочам, то всегда найдется место для оптимизма.

К тому времени, как я обогрелся и разобрался с мыслями, солнце уже успело подняться над горизонтом на целую ладонь. Что значит для летнего времени примерно шестой час утра.

Кошмар! Нормальные люди только на второй бок переворачиваются. А еще более нормальные – только домой возвращаются.

Людоловы, кто бы сомневался, к этой категории не принадлежали. Так что когда я осторожно подкрался к месту бивака, за татарским обозом уже и след простыл... Зато осталось их, в смысле – следов, множество. И самый страшный – неподвижно висящий на вербе пленник.

– Замордовали-таки, сволочи! – пробормотал я, непроизвольно стискивая кулаки. – Такое, значит, имеем первое наизидание от тутошней жизни. Чтоб не зевал... Если подобной судьбы не желаю... Вот дерьмо... Похоронить надо... Не оставлять же воронью. И не отмажешься, мол, я тут ни при чем, пусть другие... Некому слушать.

Бормоча все это, я без особого желания шагнул к мертвецу... и в это время предполагаемый труп дернул головой и болезненно застонал...

От неожиданности меня чуть медвежья болезнь не прихватила... Во всяком случае в животе заурчало, а встопорщились не только волосы, но и ресницы. Может, обойдется и без заикания, но преждевременная седина обеспечена на все сто.

«Живой? Не добили?!» – следующая мысль вывела меня из ступора и бросила вперед.

– Сейчас, мужик... Потерпи немного... Сейчас освобожу... – бормотал я, пытаюсь развязать узлы на руках невольника.

Трубку с «запасным» угольком бросить на землю не смог, пришлось сунуть ее в рот, – так что вместо внятных слов получалось нечленораздельное мычание. Впрочем, пленнику мое красноречие в любом случае было до лампочки, он-то и в сознание пока не пришел. Тело реагировало на боль самопроизвольно...

– Сейчас, сейчас... Держись... Я быстро, – продолжал бормотать, успокаивая самого себя. – Еще чуть-чуть...

Увы, все оказалось не так просто. Татары использовали не веревки, а ремешки из сыромятной кожи. И узлы затянули намертво. Хоть зубами грызи. Но и это оказалось непростой задачей – тонкие ремешки за ночь так глубоко впились в тело, что никак не подцепить, только резать. А чем?

Оторвавшись на мгновение от узлов, чтобы подумать, я машинально поглядел вниз и только теперь понял, какой именно смертью людоловы хотели казнить строптивого пленника и почему не убили сразу. Бедолага обеими ногами стоял в большой муравьиной куче. А на что способны разъяренные насекомые, защищая муравейник, легко себе представить, если хоть раз вытаскивал муравья из-за пазухи или штанов. Не знаю, правда или нет, но где-то читал или слышал, что они могут за несколько суток обглодать до костей тушу годовалого оленя.

И если муравьи принялись за бедолагу с рассвета...

Не додумывая мысль до конца, я несколькими пинками разметал муравейник, заставляя насекомых хоть на время бросить жертву, чтобы сплотиться против более грозного врага, а потом развернулся и со всех ног понесся к своему костру.

Глава вторая

– Жги, добрый человек! Жги! Не церемонься! Христом Богом заклинаю! Нет больше сил терпеть эти муки!

Мои неуклюжие попытки пережечь узы с помощью тлеющей ветки в первую очередь привели к тому, что пленник очнулся. А поскольку кляп изо рта я ему вынул, то комментарии посыпались тут же. Сперва в адрес треклятых басурман, чтоб им ни дна ни крыши ни на том, ни на этом свете, а потом и по поводу моей криворукости. Все это перемежалось обильной руганью, но... если можно так выразиться, весьма корректной. С поименным упоминанием всех десяти казней египетских, грома небесного, кары Господней, собачьей шкуры и отходов жизнедеятельности свиней, но ни разу не потревожив анатомии и памяти родителей.

На адресованные лично мне эпитеты я не реагировал – понимал, человек на грани. Да и трубка во рту мешала. Возможно, глупость, но расстаться с единственной вещью из прежней жизни оказалось выше моих сил. Вот и стискивал мундштук зубами, пока руки делом заняты.

Сыромятные ремешки поддавались с трудом, но все же уступили огню. Вернее, ослабели достаточно, чтобы пленник смог их разорвать. И как только бечева с хлестким звуком лопнула, пленник, как из катапульты запущенный, метнулся к реке. В три гигантских прыжка преодолел добрых пять метров и прямо с берега бухнулся в воду. А там, где он погрузился с головой, она аж потемнела от мурашек. Словно из лотка высыпали... Будет у рыб праздник.

Кстати, о рыбах. Незнакомец, похоже, тоже имел жабры. Сквозь прозрачную толщу я отлично видел, как он уселся на дно и прямо там принялся стягивать одежду. А по мере того как он обнажался, на поверхность всплывали целые горсти насекомых. При этом незнакомец вел себя столь непринужденно, что мне стало интересно – как долго он сможет обходиться без воздуха? К сожалению, ответа не получил: одежды на недавнем пленнике было негусто – шаровары да рубаха, так что управился быстро. И только после этого высунул чубатую голову на поверхность.

– Ух, как хорошо, спаси Христос! Так бы и нежился... аж до вечера... – но вопреки собственным словам, тут же двинулся к берегу. А когда вылез, первым делом поклонился.

– Челом тебе, добрый человек. Воистину глаголю, спас от мук немилосердных! Ну, ничего, аспиды голомозые, позволит Господь, поквитаемся еще... – погрозил кулаком с зажатыми в нем штанами в противоположную сторону. Потом снова повернулся ко мне.

– Спасибо еще раз... – теперь он не просто изобразил, а отвесил полноценный земной поклон. Аж чубом травы коснулся... – Товарищ войска Низового Запорожского Василий Полупуд вовек тебя помнить будет и, как только доберемся до православных мест, немедля полупудовую свечу за твое здоровье в церкви поставлю. Не сойти мне с этого места, если брешу. Только имя свое назови. Чтоб знать, на кого Богу указывать... Он, знамо дело, и сам ведает, но дьяк спросит.

Я тоже поклонился, как умел, а вот ответить не успел. Засмотрелся. Ничего подобного ни в одном спортзале или рекламе здорового образа жизни видеть не доводилось. Все мои современники культуристы и атлеты удавились бы от зависти. Рослый, не ниже меня, Василий казался свитым из рельефных мышц, жил и сухожилий, которые толстыми жгутами шевелились и перекачивались под загорелой до темно-коричневого оттенка кожей. Не человек, а пособие по изучению мускулатуры. Лицо будто топором из мореного дуба высечено. Вислые усы чуть тронуты сединой. Правый заметно короче.

– А ты, как я погляжу, справный казак. Гол, как Иов, а трубку из рук не выпускаешь. Молодец. Люблю таких.

Полупуд рассмеялся и принялся неистово почесывать грудь, негромко постанывая то ли от боли, то ли от удовольствия.

Наверное, надо было что-то сказать в ответ, но, честно говоря, я немного растерялся. Слово не воробей – брякнешь чего-нибудь не в такт, после замучаешься оправдываться. А если ты даже не в теме, какой год на дворе – ляпнуть глупость немудрено.

– Эй, добрый молодец, чего молчишь, как воды в рот набрал? – удивился казак. – Немой, что ли? Али глухой?..

«Гм, а ведь неплохая мысль... Спасибо за подсказку, казак Василий. На первых порах это позволит не отвечать на вопросы и, соответственно, не попасть впросак. А там поглядим, что по чем на Привозе...»

И я кивнул. Для наглядности изобразив невнятное движение пальцами возле губ и промывав что-то невнятное.

– Вона как... Бывает... – запорожец отнесся к моей ущербности весьма философски. – Ну, да ничего. Казак не баба, ему много говорить нет нужды. Руки-ноги целы, голова на месте – вот и славно. А сигнал товарищам, если понадобится, и свистом подать можно. Или каким другим знаком...

Зачем же другим? Желая продемонстрировать умение свистеть, я сунул пальцы в рот и надул щеки. Вот только Василию такое рвение совершенно не понравилось. Казак оказался рядом со мною едва ли не быстрее, чем прыгал в реку.

– Я те свистну! – ударил по руке, так что мои пальцы выскользнули изо рта, и прорычал прямо в ухо: – Я те так свистну, что уши отвалятся. Белены объелся?

Столь резкий переход от добродушия до свирепости огорошил меня настолько, что я глупо усмехнулся в ответ. Мол, чего ты? Это ж понарошку... в шутку.

– Еще и блаженный... – сделал собственный вывод Полупуд.

Казак покивал задумчиво, одновременно с ожесточением почесываясь в разных местах.

– То-то я гляжу, ты какой-то странный. Чистый, ухоженный, руки нежные. Сперва подумал, что евнух, потом вижу – нет, все хозяйство на месте. Может, из белого духовенства?... Хотя нет – молод для ангельских чинов, и трубка опять же, монашеской братии не подруга... Гм? А ну-ка перекрестись!

«Это пожалуйста. Хоть сто порций»

В церкви я за свои двадцать два года раз десять бывал, не больше, но стараниями бабушки Галины Михайловны и ее сестры Ольги креститься умею. Даже несколькими молитвам обучен. Так что крестным знамением осенил себя, как положено по православному обычаю – справа налево, не замешкавшись ни на секунду.

– Добро... – прогудел Полупуд. – Всяко приятнее, когда спасением жизни своему, а не чужаку обязан.

Казак вывернул наизнанку штаны, внимательно осмотрел каждый шов и только после этого натянул шаровары на себя. Прodelал то же с рубахой, но надевать не стал – протянул мне.

– Держи, парень. Господу все равно, а промежду людей принято срам прикрывать. Да и замерз ты, я вижу, изрядно. Вона как скукожился весь.

Как мокрая рубаха может согреть, я не понял, но от одежды отказываться не стал. А как только просунул голову в воротник, Василий приступил ближе и, не глядя на меня, тихонько прошептал:

– Рот открой...

Я и разинул варежку. От удивления.

– Язык цел... Голову наклони...

Мог бы и не просить. Поскольку его ладонь уже легла на мой затылок, и шея сама согнулась под непреодолимой тяжестью. Потом пальцы казака неожиданно бережно прикоснулись к шраму на макушке. На прошлой неделе с отцом калитку на даче чинили. Вернее, отец чинил, а я ассистировал. Подай-принеси-убери. Да и то ухитрился поскользнуться и въехать головой

аккурат в завесу. Крови было... Рана хоть и небольшая, но достаточно глубокая, чтобы след остался. Вот его-то Василий сейчас и нащупал.

– Угу... Слышишь хорошо. Рубец свежий имеется. Хоть и вскользь прилетело, но видимо, зашибло крепко. Стало быть, не врожденная немота, а от удара... – сделал вывод самозванный лекарь. – Это радует, парень. Проси у Господа милости, и если будет на то воля Его – заговоришь. Доводилось, знаешь, повидать, как бывалые казаки, не чета тебе, закаленные воины, немыми с кровавой сечи выбирались, а потом – кто через час... кто через пару лет – но дар речи обретали. А я, уж будь покоен, к твоей молитве и свою просьбу присоединю. Со всей искренностью.

«И за это, казак Василий, отдельное тебе спасибо. Не за молитву, а что еще один совет дал. Значит, если я на днях или чуть попозже заговорить надумаю, тебя это не удивит».

– Жаль только, имени твоего так не узнал. Придется прозвище придумать... – и Полупуд уставился на меня с задумчивым прищуром во взгляде.

С этим поворотом сюжета я согласиться не захотел. Казачьи прозвища иной раз такие заковыристые бывали, что при детях и женщинах лучше не произносить. Поэтому поднял руку, привлекая внимание запорожца, потом присел и стал выводить мундштуком на песке большие литеры. Неторопливо, как ребенок. Все же средневековье на дворе.

– Так ты грамоте обучен, что ли? Это добре... – обрадовался запорожец. – Сам я, правда, только некоторые литеры знаю, но поглядеть можно...

Он встал у меня за спиной и стал читать вслух.

– Покой... Ять... Твердо... Рцы... Петр, что ли?

Я кивнул. Дважды.

– Ну, со знакомством, Петро... – казак Василий без обиняков сграбастал меня в объятия и стиснул так, что чуть ребра не хрустнули.

Я с семи лет по разным секциям ходил. Футбол, плавание, водное поло, самбо... На первом курсе, когда еще успевал совмещать учебу с тренировками, кандидата по боксу сделал. Потом студенческая жизнь завертела, и не до спорта стало, но до последнего времени не реже чем раз в неделю в «качалку» заглядываю. А дома, под настроение, полуторапудовую гирию тягаю... Да и зарядкой не брезгую. В общем, слабаком себя не считаю, и все же – ощущение было, словно под пресс попал. Неимоверная силища у человека...

Нет, что ни говори, а повезло с товарищем. Еще и считающим себя обязанным мне жизнью. Так что теперь я здесь точно не пропаду. Где бы это самое «здесь» ни находилось.

* * *

– Славное мы с тобой войско, Петрусь... – скептически оглядев нас, хмыкнул Полупуд. – Шаровары и те одни на двоих.

Вместо ответа я только руками развел.

– Ну, ничего. Обновка дело поправимое... – продолжил размышлять вслух запорожец, зачем-то оглядываясь по сторонам. Неужто считал, что одежда тут вот так, запросто валяется. Обьедки у костров – да, имелись. Но теперь, когда я больше не один, наклониться и поднять огрызок лепешки с земли, утоптанной сапогами, перемешанной с золой и пеплом, – стало зазорно. Вот уж действительно: человек на многое способен, когда его никто не видит, и совсем иное – на миру.

– Вчера одного из невольников гадюка укусила... Летом, особенно перед грозой, они злющие, – заметив мое недоумение, поделился соображениями казак Василий, заодно объясняя вчерашнее происшествие.

– Яд я высосал. Но когда попросил татарина огня – ранки прижечь, этот сучий потрох взял и зарубил Грицька. Просто так... Забавы ради. И ведь видел, как я с укусом возился и

кровь отравленную сплевывал... Чтоб его, кобыльего сына, вместе со свиной требухой в могилу закопали!..

Казак зло сплюнул и перекрестил рот.

– Не сдержался я и отблагодарил. Как смог. Жаль, что только левой рукой дотянулся. Зато приложил от души. – Полупуд продемонстрировал увесистый кулак. – Голомозый лишь сапогами мелькнул...

Я кивнул. Да, такой «кувалдой» можно запросто быков на бойне глушить.

– А потом на меня остальные набросились. Хрястнули чем-то по затылку... тоже не жалея. Так что и не помню больше ничего. Вроде еще били, но это уже как во сне. Очнулся, когда ты меня угольком прижигать стал... – Полупуд непроизвольно покосился на развороченный муравейник и заметно вздрогнул. – Тьфу, напасть анахтемская... Храни тебя Господь и Пречистая Дева Мария, Петро... Не дал пропасть ни за понюх табаку.

Помолчал немного и продолжил спокойнее:

– Так вот, думаю, басурмане не стали утруждать себя похоронами Грицька. В лучшем случае – бурьянами притрусили.

Я сразу и не взял в толк, к чему запорожец клонит, а когда сообразил – недоверчиво уставился на него. Василий понял вопрос и без слов.

– Согласен, не в христианском обычае покойников раздевать. Но ты, Петро, сам посуди... Во-первых – мы похороним бедолагу. Что само по себе дело благое и нам зачтется. Во-вторых – душе, когда она пред ликом Господним предстанет, все едино – наг усопший в могиле или в ризах почивает. А в-третьих – нам с тобой еще ясырь от басурман отбивать предстоит. А это, брат, такое дело, что его лучше в штанах делать. Потому как много ползать придется. При этом желательно не отсвечивать... белым телом.

Полупуд коротко хохотнул и ткнул меня кулаком под ребра. Весьма чувствительно.

– Уразумел, отрок?

Положим, преимущества одетого перед нагим мог и не разжевывать – и так все понятно. Но натягивать на себя шаровары покойника. Учитывая, что в эти времена ни о каких трусах или кальсонах еще и слухом не слыхивали... М-да. А с другой стороны, не слишком ли привередливым я стал? Как для того, кто совсем недавно готов был поднятыми с земли объедками питаться... Секонд-хенд ему, видите ли, не угодил.

Тем более что, если с умом к делу подойти, то ничего страшного. Муравейник имеется. Пропади он пропадом... Накрыть его на часок одеждой – лучшей дезинфекции и не придумать... После простирнуть с песочком и можно носить как собственную.

– О! – казак Василий указал рукой на горбок свежей земли. – Кажись, напраслину я на басурман возвел. Не поленились по-людски похоронить... Нет, это понятно, что яму невольники вырыли, но все же – не бросили как падаль. Ладно... За это и я, когда придет время, тоже их уважу. До заката закопаю.

Полупуд подошел к могиле, потом взглянул на мои руки, на свои – и неодобрительно помотал головой.

– Не, Петро. Тут с тебя толку не будет. Сам управлюсь. А ты поброди вокруг, осмотришь. Может, еще что нужное найдешь. Ну и помолись... – Потом опустился на колени и широко перекрестился. – Прости нас грешных, Господи. Сам зришь... Не корысти ради, а токмо по нужде великой... – и принялся отгребать землю.

Сложенные лодочкой мозолистые ладони Полупуда раскапывали рыхлый грунт не хуже совковой лопаты, так что я послушался и не стал соваться с предложением помощи. Действительно, только мешать буду. Лучше и в самом деле молитву вспомнить. Благодарственную... Поскольку судьба хоть и сыграла со мной злую шутку, выбросив за борт привычной жизни, о спасательном круге не забыла. В виде казака-запорожца. Заодно и о других потребностях позабочусь. За всей этой беготней совсем о личной гигиене позабыл, а организм требует. При-

вык, знаете ли, к расписанию. Еще с первого класса приучен. В семь тридцать – вынь да положь ему водные процедуры. А также все то, что им предшествует. И никакого, между прочим, разногласия. Как сказал писатель, в чистом теле и о возвышенном думать сподручнее.

Высмотрел я в ивняке местечко поуютнее и потрусил в ту сторону... Хорошо, что под ноги смотрел. И двадцати шагов отбежать не успел, как буквально наткнулся на труп... Вернее, я сперва подумал, что это какие-то лохмотья, выброшенные за полной ненужностью, такой у них был неказистый вид. Но когда пригляделся, то вздрогнул от отвращения. У моих ног лежала не кучка тряпья, а обезглавленное тело.

В смятении я совершенно позабыл, что притворяюсь немой, и едва не окликнул Василия. К счастью, он отозвался первым.

– Ты глянь, Петро, чего я откопал! Это же басурманин! Тринадцать пресвятых апостолов! То-то я не мог понять, с чего голомозые на меня так обозлились, что на деньги наплевали и казнить решили. А оказывается, я того охранника прибил... Ну и поделом собаке.

Пока казак все это проговаривал, я немного успокоился и, согласно роли немого, замахал руками и замычал, привлекая внимание.

– Чего тебе?

Я повторил мычание громче, жестами подзывая Василия и указывая на труп.

– Сейчас, погодь. Не горит же?

Я кивнул. Покойнику действительно «не горело». Что бы в мире ни происходило – его это уже совершенно не беспокоило.

– И что ты на это скажешь, Петро? Ах, ну да... Тогда послушай, я скажу... Если уж не везет, то и конь в конюшне ослом обернется. Ни тебе халата, ни сапог... Обобрали друзья покойника до нитки, только саван посмертный... Впрочем, если кусок отрезать, то на один запах хватит. Все лучше, чем нагишом... Сейчас, вытащу голомозого – посмотрим. Чего застыл, как пень? Иди сюда... Или и вправду важное что нашел?.. Гм, а где же тогда тело хлопца? Я развел руками. Мол, и да, и нет... Но потом все же кивнул.

– Ладно, иду...

Запорожец одним ловким движением выпрыгнул из могилы и подошел ко мне. Взглянул на обезглавленное тело, вздохнул и перекрестился.

– Прими душу, Пречистая Дева, безвинно усопшего раба Божьего... Грицька. Насильственной смертью помер отрок – стало быть, мученик. Вишь, как оно выходит, Петро. Перехвалил я нехристей. Думал, что-то человеческое в них еще осталось, а они – как падаль бросили. Зверью на поживу... Берись за ноги, к могиле понесем. А голова-то где? – только сейчас обратил внимание на отсутствие части тела Полупуд.

Я пожал плечами. Посмотрел уже вокруг, сколько рост и трава позволяла. Может, татары, голову в кусты забросили, насмехаясь над покойным? А то и вовсе – в реку спихнули...

– Потом поищем, берись...

Полупуд нагнулся и взял покойника за плечи, я – глотая комок, подступивший к горлу, заставил себя потянуться к ногам трупа, но в этот момент запорожец насторожился, пригнул голову, словно прислушивался и приложил палец к губам:

– Тсс!

Видимо, по привычке. Я же, типа, немой. Понятное дело, что помолчу.

– Кажись, кто-то скачет... С той стороны.

Василий указал на противоположный берег.

– Думаю, Сафар-ага решил послать кого-то, проверить, как я поживаю. Или добить... Ну что ж, встретим дорогого гостя, как полагается по казацкому обычаю. – Запорожец почесал затылок, что-то прикидывая, а потом продолжил: – Значит так, Петро. Я встану у дерева, а ты спрячься в могилу. И не высовывайся. Справлюсь...

«Куда?! – я чуть снова не проговорился и едва успел проглотить уже срывающиеся с языка слова. Зато замычал качественно, помогая себе бурными жестами, что должно было означать: – Я не хочу лезть в могилу! Зачем? Лучше в кустах пережду».

– Боишься мертвецов, что ли? – вздел брови Полупуд. – Ну, это ты зря. По нынешним временам покойники самый смирный народ. Полночью, в полнолуние, положим, я и сам не стал бы рисковать, но среди белого дня... чего опасаться? Беда не в земле лежит, а на коне скачет.

Все равно не убедил. День или ночь – пофиг. В могилу не полезу. Я упрямо помотал головой и на всякий случай попятился.

– Ладно, ладно... – уступил казак. Видимо, не было времени на дебаты. – У каждого свои причуды. Схоронись в кустах... Да поживее. Слышишь: басурманин коня не жалеет. Вот-вот у переправы покажется... Стой!

Полупуд, вопреки своему же приказу сохранять тишину, рывкнул так, что я аж присел.

– Совсем заморочил голову... Сорочку снимай! Меня ж одетым привязали...

«Черт! Хорошо, что Василий вспомнил. Иначе всей засаде гаплык... Вряд ли татарин решил бы, что рубаху муравьи сожрали. А заподозрив неладное, вполне мог изрешетить казака стрелами, даже не приближаясь».

* * *

Немым я прикидываюсь понарошку, а вот глухой, похоже, без притворства. Потому что топот копыт услышал почти одновременно с тем, как скачущий неторопливой рысью всадник показался на противоположном берегу. К этому времени я успел не только в кустах залечь и затаиться, но и до тридцати досчитать... Интересно, на каком же тогда расстоянии казак Василий его услышал? Получается, километра за три, не меньше.

Татарин пустил коня вброд, а сам привстал в стременах и внимательно огляделся по сторонам. То место, где я прятался, настолько ему не понравилось, что воин попридержал коня и остановился, не выезжая на берег. Нет, заметить меня он не мог. Спрятался я хорошо. Но одного не учел – рой мошкар... Голый человек для них как пиршественный стол, так что на запах пота слетелась ковшня со всей округи. Хорошо хоть не лошадиные оводы... И не заметить выющуюся надо мной тучу мог только слепой...

Но тут татарин, видимо, очень кстати вспомнил, что примерно в это же место вчера отволокли труп зарубленного невольника, и успокоился.

Даже ухмыльнулся... Нас разделяло не больше двадцати шагов, так что мне хорошо было видно, как зашевелились на темном и круглом, как подгорелый блин, лице ордынца тонкие тараканьи усы. Теперь татарина интересовал только Полупуд.

Казак, кстати, весьма правдоподобно изображал потерю сознания. Висел на вербе, безвольно согнув колени... и даже не дышал, кажется... Если б не знал правды – я бы поверил.

– Исэнмесэз, касак?! – прокричал тем временем ордынец. Или как-то так. Ни татарского, ни турецкого языка я не знаю. Но смысл фразы в переводе не нуждался. Достаточно вопросительной интонации. Мол, как поживаешь, не подох еще?

Не дожидаясь ответа, татарин остановил коня напротив «великомученика» и еще что-то произнес, только теперь сидел спиной ко мне, и я ничего внятно не расслышал. Впрочем, и так бы не понял... Запорожец в ответ и на этот раз промолчал. Тогда ордынец спешился и двинулся к нему. К сожалению, конь ордынца полностью заслонил картинку, так что я мог лишь догадываться, что происходило дальше.

Впрочем, особого воображения для этого не понадобилось.

Как только басурманин подошел достаточно близко, чтобы до него можно было дотянуться, запорожец ожил и взмахнул руками. Раздался мерзкий хряск, как при падении арбуза

на бетон. После чего татарин рухнул на землю, засучил ногами, а потом замер и больше не шевелился. Его конь, почуяв кровь, тревожно всхрапнул и отбежал шагов на двадцать. Там остановился, повернул голову и коротко заржал.

– Все, Петро, можешь не прятаться. Выходи, пока мухи не заели... – позвал меня Василий, вытирая ладони о штаны. – Холера... не рассчитал маленько. Но так тоже неплохо получилось. И не пикнул, голомозый... – запорожец опять дернулся и отчаянно зачесался. – А чтоб вам сквозь землю провалиться! Совсем озверели, аспидское семья!

Полупуд развернулся и уже второй раз опрометью бросился к реке, на бегу стаскивая через голову рубаху. Запнулся сослепу о корягу и бревном плюхнулся в воду.

Ну да... Муравьиную кучу мы хоть и разбросали, но основание муравейника по-прежнему оставалось между корней вербы. И Василию, чтоб ордынец не заподозрил неладного, пришлось снова залезть в него с ногами. Что вконец обозлило мурашей, только-только начавших отстраивать порушенный дом.

– Вот же странная штукавина жизнь наша, Петро... – разглагольствовал, сидя в по шею в воде, запорожец. – То так повернет, то эдак вывернет. Полчаса всего и миновало, как мы одни шаровары на двоих делили, а теперь у нас всего вдоволь. Даже сапоги имеются. И конь! Чудны твои дела, Господи. Нипочем нам, смертным, не уразуметь, когда благословишь, а когда накажешь.

Выслушивая снизошедшую на запорожца мудрость, я направился к лошади, смирно ждущей в сторонке и только время от времени косящейся в нашу сторону. В отличие от хозяина, она была живая – и ее вид не вызывал у меня рвотных позывов.

Вот уж никогда не думал, что буду так бурно реагировать на покойников. В телевизоре они совершенно другие... И сценки с молодыми следователями, которых тошнит при виде трупа, мне тоже казались смешными. До сегодняшнего дня. Оказывается, у смерти лицо не столько страшное, как омерзительное и вонючее...

– Эй-эй! Ты куда?.. К коню не суйся! – вскричал Василий встревоженно. – Татарские бахматы⁷ чужих на дух не переносят. Не убежит, не волнуйся. Он от хозяина далеко не отойдет. Потом поймем, когда басурманами переоденемся. Лучше тащи голомозого сюда. Все равно одежду простирнуть придется... И лучше не ждать, пока кровь запечется.

Стараясь не глядеть на сплюснутую голову мертвеца, будто попавшую в тиски, я ухватил татарина за сапог и поволок к реке. Но, видимо, полностью отвращения скрыть не смог.

– Эка, тебя перекосило. Аж позеленел весь... – хмыкнул Полупуд. – Нет привычки к покойникам, стало быть... Да брось ты его, Петро... Не мучайся... чай, не сбежит. Иди сюда...

А когда я приблизился, казак без лишних разговоров ухватил меня за руку и перебросил через голову в реку. Придержал чуток под водой, невзирая на все попытки освободиться, и только как я успокоился и перестал молотить руками и ногами – отпустил.

– Ммм... (Ты чего?!) – фыркая и отплеываясь, возмутился я.

– Полегчало?.. – добродушно уточнил запорожец. – Ну и добре. Точно монастырское воспитание, чтоб мне падучей заразиться... Небось, в самой Лавре с малолетства жил? Угадал? – и не дожидаясь ответа, продолжил: – Ну да, поговоришь с тобой. Чего глазами хлопаешь? Надо огонь разжечь. В бесагах⁸ у татарина наверняка найдется, чем добрым молодцам подхарчиться. Да и просушиться не помешает. Еще и полдень не наступил, а мы уже второй раз отмокаем... Уголек в твоей трубке я испортил, уж извини. Но ведь сама трубка не утонула?.. Так что давай не кисни – метнись за жаром.

---

⁷ Порода лошадей.

⁸ Переметные суммы (*там.*).

Я хоть и не говорил Василию о своем костре, но догадаться не сложно. Чем-то же я пережег ремни.

Легко сказать: «метнись». Не в смысле расстояния, а сколько времени прошло... Костер почти полностью прогорел. Только-только жар теплился. Пока снова сена надергал... угли вздул. Пока снова разжег. Правда, в этот раз ждать углей не стал – ухватил пару веток потолще и размахивая ими, как олимпиец факелом (пущей схожести с древнем эллином мне придавало отсутствие наряда), побежал обратно к переправе.

Вроде и не слишком долго возился, а к моему возвращению одежда с убитого ордынца, уже выстиранная, сушилась, развешанная на нижних ветвях ближайших верб. Трупы обоих людоловов тоже куда-то исчезли, а Василий, что-то тихонечко насвистывая, уже расседывал бахмата.

– Тебя только за смертью хорошо посылать, – проворчал запорожец, кивая на заготовленный хворост. – Долго кончины ждать придется... Разжигай уже... К сожалению, с едой негусто. Всего пара лепешек и кусок конины. Зато нашел мешочек с турецкими зернами. Басурмане из него отвар делают – кофеом называется. Не доводилось пробовать? Истинно адово зелье. Горькое, зараза, как полынь. Черное – как смола. Но сон отгоняет напрочь. А нам с тобой сегодня поспать не придется. Так что весьма кстати.

Запорожец говорил, стоя за конем и при этом время от времени наклонялся. Соответственно чубатая голова его то возникала над холкой, то снова исчезала, вызывая в памяти что-то полузабытое.

Сунув горящие ветки под кучу хвороста, я устоял на обихаживающего лошадь казака, пытаясь вспомнить, что же именно напоминает мне эта картина. Смутно знакомое и как бы в тему.

– Ты, Петро, не волнуйся...

Василий наконец-то показался весь. Уже подпоясанный саблей, с бесагами через плечо и седлом, зажатым подмышкой. Именно эта, последняя деталь и дополнила вертевшуюся в голове картинку недостающим пазлом.

«Ай да я! Ай да молодец! Похоже, начинаю привыкать... коль умные мысли в голову полезли. Если и дальше так пойдет, придется ускоренными темпами возвращать умение разговаривать».

– Вижу, что ратному делу ты не обучен, так что в бой не пущу... – продолжал тем временем Полупуд. – Не обессудь – будешь на подхвате... Я сам в лагерь проберусь, не впервой... Главная заваyka, чем бы таким внимание голомозых отвлечь, чтоб не сразу хватились. О, придумал! Свистнешь издалека... И пока басурмане будут тебя высматривать, я остальное сделаю.

«Не обучен, говоришь? Это как поглядеть... Да, лично повоевать не довелось, но ты не представляешь, в скольких сражениях я принимал участие, как читатель и зритель. Так что не торопись с выводами, казак Василий. Сейчас я тебя немножко удивлю... и свистеть не понадобится».

Уже отработанными жестами я привлек внимание запорожца, а дальше более-менее сносной пантомимой и рисунками стал излагать задумку, предназначенную для изумления ордынцев. Без малейшего зазрения совести позаимствованную у Майн Рида...

Запорожец какое-то время недоверчиво вглядывался в мои объяснения, а когда понял, восхищенно хлопнул себя по бедрам, а потом аж вприсядку пустился от избытка чувств. Я вообще заметил, что Василий легко впадал в крайности и не стеснялся чувств. Не сдерживал эмоций... Если смеялся, то реально ржал, хватаясь за живот, а если огорчался – то едва не плакал.

– Вот умора! – хохотал казак. – До чего ж ловко придумал, песий сын... Побей меня вражья сила, Петро, если твоя затея не понравится басурманам! Чтоб меня черти в аду с вил не снимали, ежели татарва не наложит в шаровары со страху! Они ж суеверные до икоты! И от такого «здрасьте» мне еще побегать за ними по степи придется! Хорошо, что не успел трупы в реку сбросить... На, держи лепешку – подкрепись чуток. Видел, видел, как ты глазами по объедкам у костра шарил. Чего покраснел? Дело житейское... Кто сам голодал, тот другого не попрекнет... А я тем временем все подготавливаю... Вот умора... Будет что братчикам поведать, когда на Запорожье вернемся... Обхохочутся...

Я стянул с ветки штаны, после стирки они казались более-менее чистыми, и наконец-то оделся. Хватит нудизмом заниматься. Не беда, что мокрые... Зато целые. На мне быстрее высохнут. Солнце уже высоко... Лишь бы налезли.

Это я так шучу. Проблемами экономии ткани и подгонкой одежды по фигуре, здешний индпошив не страдал – в трофейные шаровары можно было легко втиснуть еще парочку таких, как я, или сделать небольшой шалаш... Видимо, отсюда и пошла поговорка – не подпоясанный, что голый. Ибо лантух⁹, исключительно по недоразумению именуемый штанами, сам по себе держаться на талии не желал...

В общем, несмотря на то что лепешка оказалась пресной и черствой, словно кора дерева, когда Василий всыпал в бурлящий котелок горсть трофейных зерен и над костром поплыл аромат свежего кофе – я понял, что жизнь потихоньку налаживается.

---

⁹ Куль (укр.).

Глава третья

Мустафа, сын Керима, разворошил угли в почти прогоревшем костре и подбросил еще несколько поленьев. Не ради света, а для большего жару.

Как бы ни было знойно днем, ночная сырость давала о себе знать. Особенно под утро, когда начинала ныть старая рана. Он потому и напрашивался добровольцем на утреннее, «собачье» дежурство, что все равно просыпался задолго до восхода и дальше уже только ворочался, тщетно пытаясь пристроить ногу поудобнее.

Чтобы отвлечься от зарождающейся боли, Мустафа подоткнул под ломящее колено полу овчинной безрукавки и принялся размышлять о самом приятном. О том, что совсем скоро должно превратиться из сладкой мечты в не менее сладкую явь. О собственной свадьбе...

Двенадцать лет он исправно выпасал табуны Гуюк-мурзы, не потеряв при этом ни одной кобылицы или жеребенка, сберегая и приумножая состояние хозяина. Но за все эти годы тяжелой работы Мустафа оставался бедняком, не имеющим собственной юрты.

Он не был воинственным по натуре и поэтому долго не соглашался на уговоры других, таких же пастухов: пойти в набег на урусские земли. Мустафа знал, что успешный поход дает шанс быстро разбогатеть, но еще в молодости успел убедиться в том, что не все набеги одинаково удачливы. В тот раз ему повезло отделаться всего лишь ранением. Хвала милосердному Аллаху – нога зажила, и он не стал калеккой, но желание испытывать удачу значительно поубавилось... Особенно перед дождем.

И как знать, может, сын Керима так бы и оставался верен своему убеждению до самой старости, если бы не чернобровая красавица Гюльнара.

Вдова двоюродного брата настолько пришлась по сердцу тридцатилетнему бобылю, что он впервые в жизни задумался о женитьбе и о собственном очаге. Оставшись одна с тремя малолетними детьми, женщина не возражала перейти жить к нему. Свой очаг всегда лучше, чем ютиться у родителей покойного мужа. Вот только юрты у Мустафы не было. Не говоря уже о достойном калыме и обязательных подарках родне невесты, – по закону шариата, доказывающих, что мужчина в состоянии прокормить семью.

Узнав о намерении одного из своих лучших пастухов жениться, управитель Гуюк-мурзы сам предложил ему денег на калым... в долг. Но начинать семейную жизнь с долгов Мустафа не хотел. Как знать, что может случиться через год или два? А если он заболеет или волки жеребят порвут? Чем отдавать? Детьми? Или сразу продаться в рабство всей семьей? Нет... Такого будущего Мустафа не желал ни Гюльнаре, ни ее детям, пока еще своим племянникам. Поэтому, хорошенько поразмыслив, пошел проситься к Сафар-бею – младшему сыну мурзы, собирающему отряд для набега на урусов. И не пожалел...

Им повезло с самого начала. Небольшой чамбул¹⁰ в три дюжины лошадей легко проскользнул сквозь казачьи заслоны на Порубежье и потом ни разу не попался на глаза сторожевым разъездам гяуров. А забрались они далеко... Почти под Хотин... Так близко, что можно было сосчитать зубья на мощных, вызывающих невольное почтение стенах крепости. И попытаться представить себе, какие огромные богатства могут храниться за ними...

Сперва Мустафа думал, что молодой бек ведет отряд наугад, полагаясь исключительно на удачу, но как-то на привале заметил, как эфенди¹¹ сверяется с каким-то свитком и даже что-то записывает в нем... Ну так на то он и в медресе учился, чтобы грамоту знать, и не пастушье дело мудрому господину через плечо заглядывать. Мало ли какие у него мысли имеются...

---

¹⁰ Отряд (*там.*).

¹¹ Ученый, уважительное обращение (*тур.*).

Главное, поход заканчивался удачно. И на крепость гяуров поглядели, и на обратном пути село одно – хоть и не очень большое, зато богатое – разграбили. Почти без потерь...

Немного странно было, что в таком зажиточном селе почти не оказалось мужчин, способных оказать сопротивление, – только трое, да и те так хорошо погуляли накануне, что опамтовались уже связанными. Ну так Аллах милостив...

Десять возов разного добра в том селе взяли, стадо в сорок голов одних молодых трехлеток. Большей частью стельных. Ну и что самое ценное в каждом набеге – ясырь: девки да молодницы. Без малого два десятка. А еще пяток подростков для янычарского корпуса...

После этого Сафар-бей отобрал десяток нукеров из отряда для охраны добычи, а остальных отправил куда-то еще. Куда именно, Мустафа не слышал, да и не интересовался. Зачем? Он же оказался в числе избранных и оставался при обозе, потому что лучше него никто не мог управиться со стадом, которое больше всего задерживает движение каравана. А у него коровы шли ровно, не пытаясь разбежаться...

За это молодой господин обещал разрешить Мустафе выбрать одного невольника, помимо жребия. После того как возьмет свою часть добычи, разумеется. Это неоспоримое право каждого вождя, поэтому пастух и не рассчитывал на девушек – слишком дорогой товар, а заранее остановил свой выбор на самом крепком гяуре из тех трех. Судя по одежде и казачьему чубе-оселедце, пленник был казаком. Опасный товар... Невольники для работ по хозяйству из них получались плохие. Чересчур свободолюбивы и строптивы. Зато на галеры казака можно было продать с большой выгодой. Крепкий, выносливый... Не меньше двух султани¹² заплатит за такого раба агасы капудан-аги¹³. Не торгуясь...

Мустафа сокрушенно вздохнул. Заплатил бы...

Кто же мог знать, что гяур окажется настолько необузданным, что поднимет руку на охранника... Вспомнив, как казак убил его соплеменника одним ударом кулака, Мустафа вздохнул еще раз. Не в память о покойном... Пустой был человечиска и глупый. Убыток нанес всему отряду, отрубив голову молодому невольнику. Хорошо что его часть добычи теперь в общий котел пойдет... А вот гяура, которого хан велел казнить, действительно жаль. Двое оставшихся пленников и вместе его цены не стоят. Значит, взяв взамен любого другого раба – Мустафа недосчитается ровно одной золотой монеты! А то и больше.

Татарин произвольно пошевелил пальцами ноги, нащупывая спрятанные в сапоге уже накопленные монеты. Один дукат и пять полновесных талеров. Вместе с теми деньгами, которые Мустафа рассчитывал выручить за казака, их вполне хватило бы и на покупку юрты, и на бакшиш родителям невесты, и на свадебный пир. А еще он рассчитывал взять в подарок жене какую-нибудь молодуху подешевле и пару коров из общей добычи. Теперь же – либо о коровах придется забыть, либо от невольницы отказаться. Жена, конечно же, поймет. Но радости в их новом доме поубавится...

«Ишак и сын ишака... – мысленно обругал пастух погибшего соплеменника. – Чтоб Аллах прогнал тебя из Садов Благодати поганой метлой! Пусть мангусы¹⁴ пожрут твою душу! Чтоб шайтаны играли твоей головой в чаэвхан!»¹⁵

От перевозбуждения сын Керима всего лишь на мгновение позабыл, что злых духов ни в коем случае нельзя вспоминать до восхода солнца, и тотчас был за это наказан.

Сперва послышался ровный перестук лошадиных копыт... Чуткое ухо табунщика сразу определило, что это возвращается Фарух, которого молодой господин посылал добить гяура.

---

¹² Золотая монета Османской империи.

¹³ Помощник капитана (*тур.*).

¹⁴ Злые духи (*тат.*).

¹⁵ Игра, прародительница поло (*тат.*).

Но что-то в ходе лошади настораживало. В ее шаге не чувствовалась рука всадника. Как будто животное двигалось по собственной воле, а не направляемое человеком...

Мустафа насторожился, поднялся на ноги и подбросил в костер хвороста. Теперь ему был нужен огонь. Выждал немного, но поскольку конь остановился за пределами света и дальше идти не собирался, табунщик взял в руки горящую ветку и пошел навстречу.

– Фарух, это ты? – спросил, когда смог различить на фоне светлеющего неба силуэт всадника. – Чего молчишь?.. Почему не слезаешь и не идешь к костру? Уснул, что ли?

Соплеменник продолжал таинственно молчать и даже не пошевелился.

– Ну да, ты всегда был горазд поспать... А у твоей карлыгач¹⁶ хода мягкая, как тук шерсти.

Мустафа поднес огонь выше. Лошадь тут же вскинула голову, встревоженно всхрапнула и попятилась.

– Тихо, тихо... – татарин затоптал ветку и шагнул ближе, желая перехватить узду, и только после этого посмотрел вверх, пытаясь разглядеть лицо всадника.

Лучше б не видел...

У Фаруха (в этом табунщик не ошибся) не было головы. Точнее сказать – он держал ее под мышкой, как дыню.

Мустафа сын Керима не был воином, но стрелять из лука умел не хуже любого охотника. Иначе табун от волков не уберечь. Исторгнутый его глоткой вопль еще звенел в воздухе, а руки привычно выдернули из сагайдака лук и выпустили в чудовище несколько стрел. Вот только зря... Безголовый наездник даже не вздрогнул. Покойника нельзя убить второй раз.

Зато когда одна из стрел выбила из подмышки мертвеца жуткую ношу, и отрубленная голова, упав на землю, покатилась в сторону Мустафы, татарин, не помня себя от ужаса, завопил:

– Мангус! Мангус! – и бросился прочь.

Когда на охоту выходят Пожиратели душ, от оружия спасения нет. Остается лишь бежать со всех ног, умоляя Аллаха только об одном: чтобы те, кто убегает рядом с тобой, оказались менее проворными...

Ничего не соображая от страха, Мустафа не заметил, как наперерез ему метнулся тот самый гяур, которого они казнили лютой смертью. Впрочем, даже если б и увидел – это ничего бы не изменило. Испугаться еще сильнее татарин просто не мог.

Прыжок, разворот, удар... Острая сталь молнией полоснула людолова по горлу, – и несчастливый жених, захлебываясь кровью, упал на землю. Сделав красавицу Гюльнару вдовой второй раз...

* * *

Заполошный вопль дозорного поднял на ноги весь лагерь. И хоть немногие расслышали сквозь сон, что именно кричал Мустафа – благодаря свету от ярко поыхнувшего костра, – Злого Духа увидели все.

Предрассветный туман, обычный для здешних мест, особенно в это время года, сейчас казался зловещими клубами дыма, сочащимися сквозь трещины в земле прямо из раскаленной преисподней. Как бы даже серой потянуло... А оттуда, из бурлящих облаков пара, не касаясь земли и источая леденящий ужас, к ним приближалось истинное исчадие ада – ифрит. Безголовый всадник на безногом скакуне...

– Шайтан! Шайтан!

---

¹⁶ Ласточка (там.).

Воля во все горло, суеверные татарины оставались на месте и не разбегались в ужасе только из-за привычки подчиняться приказам. А их молодой господин, похоже, страха не ведал.

– Аллаху Акбар! – воинственно воскликнул Сафар-бей слегка осипшим и немного дрожащим от возбуждения голосом. – Злой дух! Именем Аллаха и пророка его Мухаммеда заклинаю тебя! Сгинь! Пропади! Наши души не станут твоей пищей!

Всадник молчал, только лошадь вскинула голову, как бы прислушиваясь к голосу человека. И если б эфенди продолжал говорить, а еще лучше – начал читать Бакару¹⁷, то воины его успели бы опомниться и набраться мужества. Но молодость и горячность подвели татарина. Решив, что Злому духу недостаточно одних слов, юный бек тоже потащил из сагайдака лук.

Гуюк-мурза на день совершеннолетия сына подарил ему не простое оружие, а сделанное на заказ. С начертанным на нем изречением из Аль-Корана. «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет искушение...», придающими стрелам мощь, смертоносную не только для людей, но и для слуг Иблиса. Вот за этот лук Сафар-бей и схватился.

Однако даже заговоренные стрелы не причинили ифриту никакого вреда. Может, поэтому рука молодого бека дрогнула, и очередной выстрел пришелся не в наездника, а черкнул по крупу лошадь. В то же мгновение неспешно бредущий к людям «Безногий скакун демона» вскинулся и, подстегнутый болью, не разбирая дороги, рванулся вперед. Прямоком на лагерь ордынцев.

Ошалевшие спросонья и не менее изумленные тем, что кошмар продолжается наяву, татары завывали, словно раненые звери, и, подгоняемые смертельным ужасом, бросились наутек. Куда глаза глядели. а ноги несли... Совершенно позабыв о дисциплине и оставляя своего повелителя один на один с разъяренным Иблисом. Кто думает о казни, когда Смерть смотрит прямо в глаза. И не благородная, возвышенная смерть воина, которой будут гордиться твои потомки, а душа героя вступит под прохладную сень Джан-на-ата. Такая гибель – честь и награда. Но кто настолько безумен, чтоб не ужаснуться пылающих огнем кровавых глазниц мангусов, Пожирателей душ... Потому что после не будет ни Рая, ни Ада.

Далеко убежать не удалось...

За то недолгое время, в течение которого ордынцы пытались понять, что происходит, а после – изгнать Злого духа, Полупуд незаметно обошел лагерь и пробрался к пленникам...

Секрет неизменного успеха нападения людоловов – внезапность. В «час волка», когда сон самый крепкий, басурмане толпой врываются в дома, и зачастую хозяева оказываются связанными раньше, чем успевают проснуться. Какое уж тут сопротивление. А если кто и схватится за оружие, то вынужден в одиночку противостоять сразу нескольким врагам. Без какой-либо надежды на помощь.

Теперь ордынцам на собственной шкуре предстояло узнать, что значит быть атакованными внезапно, пребывая в меньшинстве. А еще – почему самым страшным зверем считают не раненого шатуна-людоеда, а медведицу, защищающую потомство.

Пережившие ужас порабощения, смерть детей и родителей, видевшие, как убивали их соседей и других односельчан – освобожденные запорожцем пленницы жаждали мести... И у дюжины людоловов – крепких и сильных мужчин – не было никаких шансов спастись от безудержной ярости женщин.

Подлинными фуриями они гурьбой набрасывались на каждого пойманного татарина, царапались, кусались, сбивали с ног, валили на землю и... От тех звуков, что доносились до лагеря, меня даже в дрожь кинуло. Лютому врагу не пожелать такой смерти.

Выжил только юный бек... Да и то благодаря Василию.

---

¹⁷ 2-я сура Корана.

Сын Гуюк-мурзы оказался самым храбрым из своего пастушьего воинства и сопротивлялся до конца. Он даже попытался сразиться с Полупудом. Но куда кутенку, хоть и благородного рода, до матерого степного волка. Всего лишь трижды звякнули клинки, а потом неумолимая сила выдернула ятаган из руки ордынца и отбросила в сторону. Как будто и в самом деле вмешался злой дух.

Секунду или две Сафар-бей недоуменно глядел на лежащий на земле клинок, а потом завопил: «Алла!» и бросился на запорожца, потрясая зажатым в кулаке кинжалом. Василий только хмыкнул и, когда треснул бека в челюсть, попридержал руку. Впрочем, юноше хватило. Рухнул как подкошенный.

– Это тебе за муравейник, щенок... – проворчал Полупуд, пряча саблю в ножны. – Стоило бы самого так же, да уж больно хлипкий... Свяжи-ка ты его, Петро, и постереги... А я пока баб наших успокою... Эй, красавицы, хватит дрожать! – в первую очередь гаркнул запорожец на группку девушек, которые, в отличие от молодежи, даже после освобождения не сдвинулись с места и жались друг к дружке, как цыплята. – Займитесь кострами! И чтоб огонь, как в аду, пылал.

От его грозного вида девушки так и прыснули во все стороны. То ли хворост собирать, то ли чтоб еще лучше спрятаться.

– Волос длинный, ум короткий... – проворчал Василий. – Попомни мое слово, Петро, намаемся мы еще с ними. Нет хуже для казака мороки, чем с девкой связаться. Впрочем, – пригладил запорожец усы, – без них тоже скучно.

Я не стал спорить. Во-первых, к мнению мужчины, как минимум вдвое старшего, всегда стоит прислушаться. Небось знает, о чем говорит. А во-вторых, человеку, лишенному речи, затруднительно отстаивать собственную точку зрения. Даже если она имеется...

– Охрим, Тарас... А вы-то чего застыли, как неродные? Займитесь волами! Одарка, Ганна, Лукерья! Дышло-кормысло! Коровы со вчерашнего дня не доены! Не слышите, что ли, как скотина мучается? – продолжал распоряжаться Полупуд, пытаясь вразумить женщин тем, что переключал их внимание на вещи привычные, обыденные.

– Солоха! Катерина! Бабоньки – у вас совесть есть или нет? Мы сегодня обедать будем или до завтрашнего дня подождем?... Живо кулеш варить, пока я вас батогом не приглубил!

В прошлой, цивилизованной жизни мне не доводилось никого связывать. Даже в ролевых играх... В смысле не участвовал. Соответственно, никогда не думал, что это такая проблема. В кино – все просто, а в жизни какая-то ерунда происходит. Руки сами себе мешают, пальцы в узлах путаются... Хорошо, что татарин лежал без сознания – иначе не уверен, что справился бы. Все время то ремешок выскальзывал, то концы перепутывались и ни в какую не хотели завязываться. Не знаю, сколько провозился, но аж взопрел. И чтобы хоть как-то компенсировать собственную неумелость, решил проявить инициативу: обыскать пленника.

Увы, карманы обшарить не удалось. Ни внешние, ни внутренние, ни потайные. Из-за полного их отсутствия. Все имущество татарин хранил за широким поясом или подвешенным на нем же. Так нашелся небольшой, но острый нож. Кисет с табаком и махонькой трубкой-носогрейкой. А еще – продолговатый кожаный мешочек. Невероятно тяжелый для своих размеров. Содержимое мешочка приятно позвякивало, наводя на определенные мысли... Хотел проверить догадку, но хитрая петля на горловине не поддалась, а прямо сейчас разрезать ее мне показалось не ко времени.

Кроме этого, за отворотом халата обнаружился свиток пергамента в тубусе из мягкой кожи. Заглянул в него мельком, но кроме штрихпунктирных линий, арабских литер и множества непонятных значков ничего не увидел. Рисунок, сделанный черной краской, напоминал какую-то схему или карту. Но без привязки к местности – для меня совершенно бессмысленную. Подумал, куда положить, и сунул за пазуху. Чтоб не потерялась...

К тому времени, пока я закончил шмон-ревизию, прибавив к кучке конфиската медную чернильницу с набором гусиных перьев, тоже в чехле, и отличный засапожный нож, девчата уже несколько костров чуть не до небес раскочегарили, а Василий не только собрал поближе всех невольниц, но и занял каждую конкретным делом. Так что опустевший было лагерь снова ожил и стал напоминать базар в торговый день. С той лишь разницей, что над всей сутолокой висела странная, тревожная тишина. Совершенно неестественная для такого количества женщин. Словно при трансляции картинки звук выключили. Если б не общий шум, сопение скота, потрескивание сучьев в костре – подумал бы, что действительно оглох.

– Не очнулся еще, песий сын? – Полупуд, обойдя лагерь и замкнув круг, снова вернулся к нам. – Поднимай голубчика на ноги, Петро. Хватит ему прохлаждаться. Надо поскорее раз-узнать: куда он остальных нукеров отослал. А то, боюсь, как наших баб за душу возьмет, тут такое светопреставление начнется... Не приведи Господь. Сутки с места не сдвинемся... пока не угомонятся. А надолго оставаться нам здесь никак нельзя. Если басурмане опять налетят – не сдюжим вчетвером...

Благодарный казаку, что он и меня посчитал способным оказать сопротивление, а не причислил к бабам и ребятам, я одним рывком взгромоздил ордынца на ноги. Василий взглянул на пленника, прислушался к дыханию, кивнул и без особых церемоний отвесил беку звонкую оплеуху. Помогло. Татарин застонал и открыл глаза.

– Очухался, Сафар-бей? – Полупуд взял пленника за грудки и чувствительно встряхнул. – Слушай меня, щенок. Хорошо слушай. Дважды повторять не стану. Тебя бы стоило проучить как следует, но жаль времени. Так что выбор за тобой. Я буду спрашивать, а ты – быстро и без утайки отвечать. Сделаешь, как говорю – обещаю, что останешься жив. И, может быть, еще этой зимой, Гуюк-мурза сможет тебя выкупить. Если захочет, конечно...

О втором варианте развития событий Василий ничего не сказал. Предоставив молодому татарину догадаться самому. Но тот все же решил уточнить. Скорее всего, паузу тянул. Впрочем, он мог банально не понимать по-нашему? Но бек опроверг мои сомнения, пробормотав смуро:

– А если я буду молчать?

– Ну, это вряд ли... – запорожец как бы в раздумье покрутил ус. – Если спрашивать по уму, да с пристрастием, говорят все. Даже безъязыкие и те, кто действительно ничего не знает. Так что ты, хлопец, в конце концов все расскажешь. Но, видишь ли, какая закавыка... Единственное, о чем будешь молить Аллаха потом – это чтоб я смиловился и убил тебя, избавив от невыносимых страданий. Потому как лекаря здесь нет... Да и не выживают после такого разговора. Подумай еще раз крепко: ты именно такой судьбы себе желаешь?

Молодой татарин смертельно побледнел, но упрямо сжал губы и промолчал.

– И чего я с тобой вожусь? – словно удивляясь самому себе, Василий пожал плечами, сокрушенно вздохнул, подошел к костру и сунул руку в пламя. Пошуровал в нем неторопливо, будто кочергой, и вытащил из огня ярко пышущий жаром уголек. Размером с крупную сливу. Взял в руку и, держа его на раскрытой ладони, как на подносе, вернулся к пленнику.

– Петро, развяжи басурмана. Авось, хватит ума не пытаться бежать. Тут-то мы его защитим, а если бабы догонят... – Василий выразительно пожал плечами. Мол, бывает смерть и страшнее, но редко.

Глядя на запорожца, как на фокусника, я, не теряя времени на распутывание узлов, полоснул по бечевке тем самым, найденным у Сафар-бея, ножом. Слегка зацепив запястье пленника. Но молодой татарин даже не вздрогнул. Он, как и я, не мог оторвать взгляда от ладони Полупуда.

– Держи... – Василий поднес алеющий уголек татарину так буднично, словно передавал кусок лепешки. При том, что в воздухе явственно пованивало горячей плотью.

Сафар-бей, как замороженная змеиным взглядом лягушка, машинально потянулся к угольку, даже дотронулся кончиками пальцев и немедля отдернул, как только почувствовал жар. Даже руки за спину спрятал.

– Не хочешь? – словно удивился запорожец. – Неужто горячо? Ну, как знаешь.

Все так же обыденно, словно проделывал это ежедневно, Василий растер уголек между мозолистых ладоней и небрежно сдул золу. Черное облачко взметнулось в сторону Сафар-бея, и юный бек так резво отшатнулся от него прочь, что не удержался на ногах. Чуть не упал. Пришлось поддержать.

– О, Петро, да у тебя тютюн имеется... Что ж ты молчишь? – Полупуд пригладил усы и забрал у меня реквизированный кисет, словно именно это для него было сейчас самым важным. – Славно, славно... Курить хочется, спасу нет. Так о чем я спрашивал? Ах да... Куда ты, бек, говоришь, отправил вторую часть своего чамбула?..

* * *

После столь наглядной демонстрации превосходства характера и силы воли запорожца молодого татарина не пришлось больше ни уговаривать, ни запугивать. Понукать тоже...

Иной раз мне казалось, что сын Гуюк-мурзы отвечает быстрее, чем Василий успевает задать вопрос... При этом выкладывая все, как на исповеди, или что там у мусульман взамен... В общем, даже не пытаюсь хитрить и лукавить. Нет-нет да и поглядывая на испачканные золой ладони казака. Да же на вид твердые и мозолистые, как кора векового дуба. К слову, доводилось пару раз видеть руки если не мастеров, то адептов боевых искусств, отдавших десятки лет изучению рукопашного боя. Ничего не скажу, впечатляет. Но в сравнении с этими «досками» их ладони, что детская пухлая ручонка...

В ходе добровольно-принудительной беседы выяснилось, что второй части чамбула опасаться не следует, поскольку воины будут возвращаться в родной улус другим, окружным путем. Через Тивильжанский брод...

– И какого рожна вам там понадобилось? – удивился Полупуд. – Разве не знаете, что в прошлом году паводок затопил пойму реки на многие мили по обоим берегам? Так что не только к Перуну, а даже к Тивильжану¹⁸ не добраться иначе как вплавь.

– Зато нынешняя весна поскупилась на дожди... – без утайки объяснил Сафар-бей. – Да и лето жаркое. Степь высыхает быстро. Вот отец и велел проверить: в каком состоянии переправа.

– Это верно, вода сошла, – согласился запорожец. – Зато осталось такое множество болот и заводей, что ни пешком, ни вплавь, ни на лодке... Тем более – с обозом. Оборонил Господь – в этом году нет там дороги вашему брату голомозому. Одного в толк не возьму: чем мурзе Кичкаский брод не угодил?

– Зачем спрашиваешь? – пожал плечами бек. – Сам видел, как через урочище тяжело переправлять груженные телеги. Много товару вода подпортит... скот обезножит.

– Угу... видел... – казак дернул щекой, время, проведенное в плену, никому вспоминать неохота, и сердито пыхнул трубкой.

– Чтоб тебя, аспида, так черти в пекло везли, как ты нас... – встрял в разговор один из пленников. Тот, что постарше.

Басурманин вскинулся, сверкнул глазами, видимо, не признавал права за крестьянином пенять ему – воину, но смолчал. Хоть юный и горячий, а понимал, не время сейчас гонор показывать.

---

¹⁸ Тивильжан и Перун – во времена Запорожской Сечи острова на Днепре между порогами Будило и Лишний.

– Уйди, Охрим, не мешай... – буркнул Полупуд. – Дай казакам свое дело справить. У самого забот больше нет, что ли? Так баб подгоняй. Почитай сутки во рту маковой росинки не было.

Крестьянин уважительно поклонился, не в пояс, конечно, так, чуть шею согнул и ушел. О как? Никогда над этим не задумывался, а, похоже, имеем элементарную кастовость общества. Казаки-воины и крестьяне-гречкосеи. Вместе супротив внешнего врага, а внутри – знай сверчок свой шесток и не лезь с суконным рылом в калашный ряд. Занятно...

И, кстати, если провести анализ до логического конца – Василий и меня к казакам приписал. Авансом. Пока не будет доказательств обратного.

Помолчали немного.

– Телеги, говоришь?.. Значит, еще этим летом Гуюк-мурза хочет на север большой обоз отправить? Откуда ж у него столько товара? На болгар или на венгров зимой крымчаки вроде не ходили. Да и в Козлове, кажется, базар еще не сгорел... Так с какого рожна ногайский мурза к нам на ярмарку завернуть решил?

– У моего отца нет столько товаров, – не стал отрицать очевидного Сафар-бей, но и отвечал так, словно держал ответ наготове. Излишне торопливо... – Многие купцы из столицы изъявили желание торговать в урусских городах... Черкассах, Киеве, Чигирине... И попросили провести их караван через Дикое Поле. А почему – они не объясняли. У торговых людей свои тайны. Отец и не спрашивал. Когда прибывает гонец от Солнцеликого, даже ханам должно только повиноваться.

– Гонец от султана... – задумчиво пробормотал Василий. – И мурза отправил тебя проверить состояние пути...

Сафар-бей кивнул.

– Но это значит... – по-прежнему думая о чем-то своем, потер подбородок Полупуд, – что Гуюкмурза велел тебе сходить на разведку малым отрядом, вести себя тихо, ни во что не вмешиваться и никому не попадаться на глаза. Верно?

Молодой татарин опустил голову.

– Думаю, когда отец узнает, что ты, бек, пожег Свиридов угол, ясырь взял, из-за чего и сам попался – ему это совсем не понравится. Во-первых, у него нет времени отправить второй отряд к переправам... Караван-то небось уже вышел из Царьграда?¹⁹ А во-вторых, никто, будучи в здравом уме, не начинает с грабежа жителей тех мест, куда собирается на торг. Все равно что сперва разорить ульи и разозлить пчел, а потом идти собирать мед... По меньшей мере глупо. Как думаешь, что мурза тебе скажет при встрече? Если вообще захочет увидеть?

Сафар-бей снова промолчал, но по лицу татарина было видно, что перспектива свидания с отцом, при столь плачевных обстоятельствах, кажется юному беку не слишком приятной. Тем более теперь. Одно дело – нарушить наказ, но вернуться победителем и с добычей, другое – пленником. За которого еще и выкуп платить придется.

Тут я вспомнил о реквизированном пергаменте с тайными знаками и протянул тубус Василию.

«Вот. При нем было...» – растолковал знаками и мычанием.

Сафар-бей обеспокоенно дернулся, но ничего не сказал, только еще больше скис лицом. Казак развернул сверток, присмотрелся и удивленно хмыкнул.

– Вот оно как. Занятно... Мне слышалось, бек, или ты упоминал Киев? А тут совсем другая дорога обозначена. На северо-запад. Как бы не под Хотин? Обмануть вздумал, щенок? Так хоть соврал бы с умом. Впрочем, о чем это я... Не повезло мурзе с сыном.

---

¹⁹ Царьград, Стамбул и Константинополь – разные названия одного и того же города.

– Нет-нет... – жарко заверил запорожца Сафар-бей. Так торопливо, что даже оскорбление пропустил. – Я правду говорю. Ты же сам сказал: мой отец мудрый человек. Далеко вперед смотрит... В чужую голову не заглянешь. А что если купцы передумают в Киев с товаром идти? Вот он и велел мне заодно посмотреть дорогу на Хотин. От Кичкасского урочища к Умани битый шлях ведет, а оттуда – хоть на Черкассы сворачивай, хоть через Белую Церковь на Киев езжай. Чего там высматривать? А с дорогой на Хотин – каждый год все иначе... То вода в ручье под землю уйдет и нечем поить коней, то буерак новый путь перегородит – ищи объезд по бездорожью.

– Складно говоришь, – согласился Полупуд. – И все же что-то не верится... Слишком сложно... Я ведь и сам чумацкие валки водил. И то, о чем ты рассказываешь, только для большого обоза важно. Очень большого...

– Возможно... – согласился татарин. – Но в ответ могу только повторить: когда отец что-то велит, то не сыну переспрашивать: «Зачем?..» А большой или малый обоз из Истамбула вышел, то мне неведомо... атаман.

География не входила в число любимых предметов. Не в такой, конечно, мере, чтобы и я, как Митрофанушка²⁰ считал, будто наука сия для барина бесполезна: если надо куда – кучер доведет. Скорее, я соглашался с вариантом: «Язык и до Киева заведет». В том смысле, что всегда можно спросить или на карте посмотреть. Чай, не в каменном веке живу... Жил то есть. И вот теперь, когда запорожец с татарчуком принялись обсуждать детали предполагаемого путешествия турецких негоциантов «из греков в варяги» или куда-то еще – мне стало скучно. Ибо, кроме Матери городов русских, остальные названия мне почти ни о чем не говорили. В плане их точного географического расположения на карте. И в какой стороне от нашего лагеря находится будущая столица Украины и город-герой Киев, если честно, я тоже представлял весьма смутно. Не на юге – это точно. А в северном полукруге – разброс градусов сто... В общем, на два лаптя левее солнца.

С другого боку, какое мне дело: кто, что и куда продавать везет? Я же не в доле... Со своими заморочками разобраться бы. Не на диване у телика сижу, пивко посасывая...

Делать вид, что ничего необычного не происходит – подумаешь, эка невидаль: оказался в другом веке без каких-либо объяснений и внятных перспектив – становилось все сложнее. На какое-то время можно забить, поскольку «довлеет дневи злоба его», но не страус – мысли в песок не спрячешь. Нет-нет да и вспомнишь, что не кино смотришь...

Поэтому, пользуясь некоторой паузой, когда именно от меня не требуется никакой активности, я решил устроить перекур. Абстрагироваться чуток, собраться с думками, посоветоваться с... собой же и наметить хоть какой-то план действий. А то до сих пор только реагировал на внешние раздражители, всего лишь пытаюсь удержаться на плаву. Не имея ни малейшего понятия: куда меня несет стремнина, как тут глубоко и где ближайший берег? Банальный синдром «собаки и колеса».

И ситуация, несмотря на проявленную находчивость и даже геройство, принципиально не изменилась. Мне по-прежнему предлагали не выбор, а только измененные обстоятельства. Грубо говоря, станция и буфет другие, а пиво и железная дорога все та же. Путь следования из «Фиг знает откуда» до «Хрен знает куда». Остановка Березайка, кому надо – вылезай-ка...

Продолжая размышлять примерно в таком интеллектуально-саркастическом ключе, я оставил Василия рулить процессом дознания, а сам набил свою трубку изысканым у татарина табаком, прикурил от костра, крепко затянулся и... выпал в осадок.

---

²⁰ Герой пьесы Фонвизина «Недоросль».

Глава четвертая

Как и бывает при сновидениях, всего не запомнил. Только самые яркие, последние мгновения. Запах примятой полыни, горький привкус во рту, топот копыт и неприятная, гортанная речь... Мерзкий, похожий на змеиное шипение, шелест выдвигаемого из ножен клинка... Понимаю, что надо бежать, пытаюсь вскочить, но кто-то силой удерживает меня на месте и при этом трясет так, что зубы клацают...

– Петро! Петро... Очнись! Что с тобой?! Эй, бабы! Воды! Скорее!

С трудом вынырываю из полубоморочного состояния и обнаруживаю себя в руках запорожца. Похоже, именно Полупуд пытается вытрясти из меня душу. Лицо у казака встревоженное, взгляд тоже. Начисто позабыв о том, что я изображаю немого, пытаюсь сказать, чтоб отпустил, но вместо этого выдавливаю из себя самое главное:

– Та... та... тары...

Впрочем, результат получается тот же. От неожиданности Василий разжимает руки, и я рогожным кулем валюсь на землю. Казак тут же бросается поднимать меня обратно.

– Слава тебе, Господи! Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... Отпустило горемыку! – восклицает радостно. – Заговорил! Слышь, Петро! Ты заговорил!

Сила и амплитуда потрясений увеличиваются в геометрической прогрессии, так что запыряться и дальше опасно для здоровья.

– Я?... – ничего умнее в усердно взбалтываемую голову не пришло. А лучший способ потянуть паузу – отвечать вопросом на вопрос.

– Нет, я... – хохотнул запорожец, наконец-то успокаиваясь. – Вот видишь, Петро, ты мне не верил. А я тебе говорил: «Господь милостив...»

Вообще-то я как раз верил. Более того – точно знал, что непременно обрету «утерянный» дар речи, но не собирался стать полноценным так скоро. Не во все еще вник, во многом не успел разобраться, а теперь не отмолчишься. Жаль. Обморок мне подкузьмил. Ну да чего уж теперь. Взялся за гуж... полезай в короб и кажи «гоп».

– Василий... – я попытался подобрать слова, способные убедить запорожца, что не брежу и умом крепок. – Погоди... Мне видение было. Вот те крест, не вру...

Что ни говорите, а всеобщее простодушие и неискушенная доверчивость средних веков имеют свои преимущества. В просвещенное третье тысячелетие мне бы в лучшем случае посоветовали температуру измерить и холодный компресс на затылок. В худшем – вызвали «неотложку». А здесь – сказал человек, что видение ему было, значит – было. Чего уж там, дело обыкновенное. Сплошь и рядом происходит. Ежедневно и регулярно. Как реклама в новостях.

– Это я понял сразу, как только ты о татарах заорал... – запорожец заботливо усадил меня под дерево, прислонил к стволу, а какая-то сердобольная молодница протянула флягу.

– Спасибо... – во рту реально пересохло, как после марафона.

ТЬфу! Чуть не вытошнило. Кумыс, что ли? Ничего более отвратного в жизни пробовать не приходилось. Словно перебродившее неделю назад и «задохнувшееся» молоко, для «вкуса» еще и на нестиранных портянках настаивали. Настоящая «живая» вода. Мертвого на ноги поставит.

– Как болезного корежит-то... – с сочувствием произнесла та самая молодница. – Падучая у него, что ли?..

– Уйди, ворона, – отмахнулся запорожец, – не каркай. Что именно привиделось-то, Петрусь?

– Воды... – меня опять согнуло в сухом рвотном позыве. – Ради всего святого, дайте воды...

Василий распорядился. Бабы подали. Обратно уже не ушли. Столпились вокруг, тихонько гомоня промежду собой. Ясное дело, меня жалели. Такая уж натура женская. Как бы самих жизнь ни была, а увидели страждущего и уже готовы... если не помочь, так хоть посочувствовать.

Я сделал несколько жадных глотков, слегка массируя горло, периодически покашливая и произнося отдельные звуки и слога. Словно сам себе не верил, что снова могу говорить.

– Ну? – подогнал более черствый и нетактичный Полупуд. – Хорош мычать. Рассказывай...

– Татары...

– Петро, не дури... – нетерпеливо дернул усом запорожец. – Это я уже слышал. Сказывай, как должно... Какими силами? Откуда и куда скачут?

Вот как? Очуметь. Казак не просто верил в способность человека общаться с тонким миром и зреть в... пространстве, но даже требовал от медиума сообщить подробности, как от посланного в дозор наблюдателя.

Ну, ладно... Я то что, я с превеликим удовольствием.

Закрыв глаза, вспоминая увиденное в трансе, и, чтобы лучше сосредоточиться, крепче сжал в кулаке еще теплую чашку трубки... Картинка перед мысленным взором возникла неожиданно четкая, словно застывший на мониторе кадр.

– Э-э... Сейчас, сейчас посчитаю... – чтобы не сбиться, я стал загибать пальцы, при этом не открывая глаз. – Два, три... восемь... десять... плюс еще три... плюс пять... Ага, вон там еще трое... нет, четверо. Вместе... ой, еще вот этих не посчитал... В общем, двадцать четыре... Две дюжины, – уточнил на всякий случай, вспомнив, что в эти времена, кажется, двенадцатеричная система исчисления была в ходу. – А скачут они...

Похлопал ресницами, покрутил головой и снова закрыл глаза, повторно вызывая скриншот видения. Интересуясь не столько всадниками, сколько окружающим пейзажем. Увы, не так все просто. Ракурс не слишком удачный – перспектива не захватывает горизонта. Никакой привязки к местности...

«Ну, и как тут сориентироваться?» – Я призадумался, продолжая сидеть с закрытыми глазами, внимательно разглядывая удерживаемую в воображении картинку.

Никогда раньше не замечал за собою такой способности. Иной раз, буквально выйдя из кинотеатра или выключив комп, о чем только что просмотренный фильм толком вспомнить не получалось. Не говоря уже о лицах актеров или их костюмах. Интересно: у художников и писателей творческий процесс именно так происходит? А чего, прикольно. Закрыв глаза, «подсмотрел» нужную сценку в мельчайших деталях и знай рисуй или описывай в меру отпущенного таланта. Когда вернусь, надо будет обязательно попробовать. Рисую я как курица лапой, а грамоте обучен... Авось, чего и получится? Если вернусь...

Стоп. Не отвлекаться. Вернемся к нашим бара... татарам.

Отряд движется шагом. Лошади даже не вспотели. Лениво помахивают хвостами, отгоняя слепней. У первого всадника на голове какой-то странный, рыжеватый треух, отороченный сзади облезлым лисьим хвостом. Конь – чуть крупнее остальных, вороной масти. Такой черный, что даже тень отбрасывает гуще. Был бы такой под седлом у нашего «сюпрыза» – басурмане вообще на месте попадали б... от инфаркта.

Хоп! О чем я сейчас подумал?.. Об инфаркте! Отвали, умник... Конь, седло... Не то... Тень! Вот именно! Куда она падает? Ага. И это значит, что если я вижу их в реальном времени, то...

– Отряд движется с северо-востока.

Для наглядности ткнул пальцем в нужном направлении. Чтоб наверняка, а не как у хрестоматийной блондинки в такси.

– Две дюжины и с северо-востока... – повторил Полупуд. – А еще что-нибудь можешь прибавить?

«Во дает, товарищ. Не только мед подавай, но еще и ложку... Хотя чего я кипешую? Это ж и в моих интересах... В одной лодке гребем... Сейчас поглядим с пристрастием. Кажется, было что-то странное в том всаднике, на что я не обратил внимания. Ну-ка... ну-ка... Ага, есть!»

– Отряд ведет воин с большим шрамом через все лицо... На черно... на вороном коне.

Я и договорить не успел, как Василий оказался рядом с Сафар-беем, схватил татарчука за воротник и рывком вздернул на ноги.

– Ах ты ж песий сын! Обмануть вздумал? Да я полпуда соли съел раньше, чем тебя от титьки отняли! Вот такой шрам, Петро? – запорожец взмахнул ладонью наискосок, как бы подчеркивая лицо сына мурзы, и не дожидаясь ответа, еще раз встряхнул пленника. Тот только зубами щелкнул... – Не твой ли аталык²¹ Хасан ведет их?

Татарин промолчал. Может, сказать было нечего, а может, просто растерялся. Полупуд реально страшен был в гневе. Не знаю, как вебрь, а медведь отвалил бы с дороги без разговоров. Даже когтями меряться не стал.

– Ну что ж, – запорожец швырнул пленника под ноги. – Ты сам сделал выбор! Господь наш свидетель, я хотел по-доброму. А теперь – не обессудь, не заслужил. Охрим, Тарас! Вяжите басурмана крепче и тащите ближе к костру. Только баб к нему не подпускайте... Убьют раньше, чем он заговорить успеет. А я еще спрос не закончил...

– Нет! Стой, казак! – Сафар-бей не просто побледнел – позеленел. То ли от мысли о предстоящей огненной пытке, то ли от возможности оказаться в руках разъяренных гяурок. В чем горе он виноват куда больше, чем уже растерзанные в клочья нукеры... Да, убивали и насиловали воины, но приказывал он.

– Я не врал! Клянусь Аллахом! Чамбул ведет мой аталык. Но я не знаю, почему Хасан возвращается этой дорогой!

– И я должен тебе верить?

Сафар-бей открыл рот и... ничего не ответил. Только обреченно опустил голову. Любые заверения и клятвы всего лишь пустой звук между кровными врагами. Особенно если один из них правоверный мусульманин, а второй – христианин. А кроме слов у бека не было ничего. И юный эфенди, отлично это понимая, не стал унижаться пустыми заверениями. Что ж – достойно и убедительно. По меньшей мере для меня.

– Подожди, Василий... Не торопись.

– Ты еще что-то видел, Петро?

– Нет. Что видел – все сказал... Думаю, Сафарбей не врет.

Казак удивленно поглядел на меня. Не ожидал, что вмешаюсь? А почему? Успел привыкнуть к тому, что я все время молчу? Или с ходу записал в разряд тех, кто не имеет собственного мнения либо опасается его высказать. Это ты, брат Полупуд, зря. Я еще тот борец за справедливость. Замучаешься удерживать.

Запорожец ждал. Все вокруг тоже настороженно притихли.

Ну, правильно. Хоть я не враг, но и ничем не заслужил, чтобы мои слова на веру принимались. Хочешь убедить – обоснуй.

– Не ты ли давеча говорил, что Тивильжанская переправа с прошлого года непроходимая? Василий кивнул.

---

²¹ Наставник (*там.*).

– Ну, вот Хасан в этом тоже удостоверился. Дошел... докуда он там дойти смог, и обратно повернул. Если дороги через Днепр все равно нет, зачем без толку болотами плутать? Да и ясырь здесь... Сам разве иначе бы поступил?

О добыче я ловко ввернул. Этот резон был понятен всем. Даже пес не оставляет зарытую кость надолго без присмотра.

– Да-да... именно так... твой товарищ сущую истину говорит, – вновь обретший надежду Сафарбей заторопился поддержать мою версию. Показалось – или в его взгляде мелькнула признательность? – Хасан верный слуга. Но, как всякий наставник, иной раз считает, что вправе слушаться своего ученика. Он же старше, опытнее, мудрее.

– Гм, может, и так... – Полупуд задумчиво почесал затылок. – Что ж, поглядим. Раньше чем с полдороги Хасан повернуть обратно не мог, а это двое суток – не меньше. Большого нам и не надо... Скажи, Петро, в твоём видении чамбул очень быстро скачет или как?

– Нет, – это я мог утверждать с полной уверенностью, даже «не подглядывая» заново. – Шагом едут. Совсем не торопятся.

– Это хорошо. Но все равно без обоза они движутся шибче, значит, и нам засиживаться нечего. Эй, бабоньки! Давайте угощайте уже казаков, чем бог послал, и будем в дорогу собираться. Не знаю, как вы, а мне судьбу второй раз испытывать неохота. Охрим! Пленника тебе с Тарасом поручаю. Берегите бека пуще ока. Если татары все же обоз нагонят – глядишь, мы ценой его жизни свободу себе выторгуем. Как думаешь... эфенди – пристанут твои воины на такой обмен?

– Хасан умрет, если я прикажу... – заносчиво ответил тот, не заметив насмешки в голосе казака. – Велю, и все они сами себя свяжут и аркан на шею наденут. В обмен на мою свободу.

Судя по уверенности в голосе, бек ни на секунду не сомневался в том, что говорил. М-да, хорошо, что я не мусульманин. Дисциплина, порядок и все такое – это, конечно же, неплохо. Лучше анархии и волюнтаризма. Но и «цо за бардзо – то не здорово»²².

– Вот как? – хмыкнул казак. – Ну, ну... Поглядим, посмотрим.

– А куда пойдем-то, Василий?

Бывшие пленницы не торопились к казанам с парящей похлебкой. Сходились ближе, теснее и с надеждой глядели на запорожца. Единственного, кто мог сейчас позаботиться о них. Защитить.

– Разве не домой нам возвращаться надо?

– Нет у вас сейчас дома, бабоньки... – сокрушенно развел руками казак. – Село татары дотла пожгли. Только пепелище осталось. Да и не проведу я вас без помощи столько миль²³ по Дикому Полю... Любая самая малая ватага харцызов или басурман снова повяжет всех. Или – побьет. Иное мыслю... Знаю я здесь, неподалеку местечко укромное. В былые годы наш курень сюда на промысел ходил. Правда, годков пять как туда никто не заглядывал... но место хорошее. Большой остров в плавнях... Если придется – даже зимовник обустроить можно. Туда и мы двинемся... Там вас не то что татары – сам нечистый не отыщет. Да...

Василий глядел и говорил уверенно.

– Я тем временем на Низ метнусь... За подмогой. Мужьями вашими и братьями... кому смогу, кто не в походе, весточку отправлю. С Божьей помощью за месяц-полтора и управлюсь. А когда соберемся все вместе – тогда и решите: как вам жить дальше? Домой возвращаться или на другом месте новый Свиридов угол закладывать... А пока, бабоньки, подсаживайтесь к казанам да набивайте брюхо доверху. Не жалейте. Аж до самого завтрашнего утра к тому месту идти будем. Без дневки и ночлега...

²² Излишек вреден (пол.).

²³ Старая русская или старорусская 1 миля = 7 вёрст = 7467,6 м.

* * *

Василий как в воду глядел. Сперва заголосила одна молодлица... Потом к ее причитаниям присоединились и те бабы, что поначалу кинулись успокаивать подругу. А дальше словно пожар или паводок – плач и стенания хлынули вдоль обоза, накрывая его сплошным протяжным воем-стоном, в котором уже не разобрать отдельных слов, а слышится только безумное горе и сетования на бесталанную, жестокую судьбину.

Радость от неожиданного освобождения, как и ярость отмщения, понемногу улеглись, суета сборов тоже осталась позади – и сердца бывших невольниц снова сдавила боль утраты... Особенно жгучая от понимания собственного спасения и невозможности воскрешения мертвых. Осознание того, что эта разлука навек и никогда уже не будет по-прежнему...

Честно говоря, у самого в глазах защипало и запершило в горле.

Безутешная скорбь женщин ощущалась как собственная... Да и как иначе? Хоть и не после татарского налета, но я тоже осиротел – в одночасье потеряв и дом, и всех близких. А то, что отец с матерью живы – просто находятся в другом мире, – сути не меняет. Ведь по христианским традициям, да и всем остальным тоже, с умершими прощаются не навсегда. И одному Создателю ведомо, у кого больше шансов: у покойников – воскреснуть, или у меня – вернуться в свое время?

В общем, настроение и так не слишком радостное, теперь и вовсе в глухой минор скатилось. Не зря говорят, что безделье – кратчайший путь к безумию. Да уж... Как ни хорохорься и ни утешайся мыслью, что о таком приключении можно только мечтать – одно дело, экстрим-тур... пусть самый рискованный и длинный, другое – когда приговор пожизненный, без права переписки и обжалованию не подлежит. Хуже только полная безвестность.

Я придержал лошадь, намеренно желая немного отстать от обоза. Плач не вопли, на расстоянии не так слышен. И меньше жалобит. А раскисать и начинать себя жалеть последнее дело для мужика. В любой ситуации...

– Ты чего, Петро? – тут же оглянулся Полупуд. Видимо, догадался по выражению моего лица и прибавил, отводя взгляд: – Тоже верно! Нечего всем одним стадом плестись... Не валка, а прости Господи... Забирай вправо, объедем кругом дозором. А то знаешь, как оно бывает... Поджидаешь беду с одного боку, а она – падлючая, тем временем совсем с другого края куснуть примеряется. И разрази меня гром, если неправду говорю.

– Ну да... Знал бы, где упадешь – соломы подстелил бы... – машинально ответил я в тон казаку другой народной мудростью. Давно подметил: если нечего сказать по существу, поговорки и цитаты сами на язык запрыгивают. Потому как мудрый «копит золото» молча, а остальные торопятся его напоказ выставить.

Запорожец кивнул, но, видимо, придерживался такой же думки и продолжать умный разговор не стал. Послал коня шенкелями вперед (а проще говоря – стукнул коленями), и тот, неожиданно покорно, потрусил рысью, забирая в степь.

Дозором, значит, дозором... Да хоть наблюдателем за самолетами. Главное, – отъехать подальше.

Наездник, к слову сказать, из меня так себе. Спасибо отцу и его сослуживцам, не совсем «собака на заборе», но если сложить вместе время, проведенное в седле, включая детские годы, отрочество и даже часть университета, то и одной полной декады не наберется. Что, естественно, не могло остаться незамеченным.

С самого начала, глядя, как «ловко» я взгромоздился на доверенное мне личное транспортное средство мощностью в одну лошадиную силу, Полупуд только крикнул. Впрочем, от комментариев запорожец воздержался. Видимо, «монастырское» воспитание объясняло и эту грань моего всестороннего, гм... недоразвития. Но, судя по нахмуренным бровям казака – не

оправдывало. И будь в обозе хоть кто-нибудь еще из мужчин, даже хлопец старше десяти лет, управлять бы мне волами, а не на воинской службе состоять.

К счастью, кроме приставленных к беку Охрима с Тарасом, прочей ребятне можно было только вожжи доверить. Да и то – воловьею упряжки. Самому старшему из хлопцев, захваченных людоловами в деревне, едва восемь годков миновало. Младшему – шесть. А по неписаным казацким законам в дозор одному нельзя. Один в поле не воин. Прилетит вражеская стрела – даже тревогу поднять не успеет. Так что выбирать Василию, кроме меня, было не из кого. А на безрыбье...

Зато сам он в седло не запрыгнул – взлетел. По-змеиному быстрым и слитным движением. Причем лошадь как бы даже и не заметила прибавившегося веса. Стояла смирно и только глаз скосила. Мол, что новый хозяин прикажешь? Шагом пойдем или сразу вскачь, галопом помчимся?

Указав кнутовищем вознице первой телеги направление, запорожец пропустил обоз мимо и вернулся ко мне.

– Слышь, Петро... – начал не совсем уверенно. – Не в сечевых правилах новичку допрос учинять – захочет человек, сам обо всем расскажет.

Дела его важнее слов, но – коль уж нас доля свела вместе, позволь все же спросить?..

Полупуд дождался моего кивка и продолжил:

– Можешь объяснить, откуда ты такой несуразный выискался? Вот гляжу я на тебя – и, право слово, диву даюсь... Ничегошеньки как следует не умеешь. И в то же время – вижу: знаешь, что и когда надлежит делать. Но как не своими руками, а будто с чужих слов запомнил...

«Знал бы ты, друг Василий, насколько точно подметил, сам бы удивился. Потому что я реально обо всем, что сейчас делаю, знаю либо из книг, либо из телевизора... И только самую малость – такую как костер разжечь без спичек или как лошадь оседлать – освоил в вылазках на природу. Когда отец приезжал в отпуск и вытаскивал нас с матерью, как он выражался, воздухом подышать».

Вот только, именно правду, которую говорить сладостно и приятно, я казаку рассказать не могу. Дикое Поле не обезумевшая от охоты на ведьм Европа, но и здесь разных колдунов-демонов вряд ли хлебом-солью привечают. Немедленно топить или жечь меня, скорее всего, не станут, зато отношение изменится – и к гадалке не ходи. Был хоть и ущербным, но своим... Стану – чужаком. Непонятным, непредсказуемым, а от того таящим в себе опасность. И на доверие, права не имеющим. Невзирая на заслуги... По меньшей мере, пока на все сто пцот процентов не докажу свою лояльность.

Пришлось ограничиться пожиманием плеч и сокрушенным покачиванием головы. Удрученность даже изображать не понадобилось, само собой получилось. Вину-то свою перед запорожцем я по-настоящему чувствовал.

– Не знаю, Василий... Ничего не помню... Ни где жил, ни что делал... Ни как здесь... вернее, у той вербы, на берегу реки, ну, где тебя... – тут замялся, неправильно это. Получается, что намеренно напоминаю о услуге, ему оказанной. – В общем, верь – не верь, а не кажи: брешешь... Порой щелкнет что-то в голове... Возникнет смутное видение... Но пока соберусь присмотреться повнимательнее – глядь, а уже и нет перед глазами ничего. Было – не было?... Словно марево мелькнуло и пропало. Поди разбери, что там почудилось...

– Да, хлопец, видать, крепко тебя по макитре приложили... – посочувствовал запорожец и тут же прибавил веселее: – Ну, ничего. Не бери в голову... Не так страшен черт, как его малюнок. Давно ли немой был – а вот уже вспомнил, как разговаривать. Глядишь, со временем и остальное образуется. Ан нет – и это не беда. Обучишься заново. Была бы охота...

Запорожец подмигнул.

– И не тушуйся, Петро. За порогами народ тертый да битый... всякое да разное видали. Так что Сечь-матушку даже седобородым новиком не удивишь, не то что парубком. Тем более таким геройским.

Полупуд помолчал немного, поигрывая поводом, и неожиданно прибавил:

– А знаешь что, Петро... Я не позабыл, кому жизнью обязан... Так что, если не возражаешь, приставай ко мне в казацкую науку. Обучу всему, что сам умею. Задаром, без услужения. Как младшего брата... Согласен?

Глядя в честное, открытое лицо казака, видя его искренние глаза, мне непроизвольно подумалось: как же много люди растеряли по пути цивилизации. Да спаси я от смерти какого-нибудь современника, особенно из богатеев – зуб даю, большинство даже спасибо не сказали бы. Максимум – денег сунули. Если еще окончательно на паранойю не подсели. А то, вполне реально, вместо благодарности заимел бы нешуточный менингит от евойной службы безопасности. Типа, кто подослал? С какой целью в доверие втираешься? А там включилось бы золотое правило спокойной жизни всех «властимеющих» и тех, кто им ее обеспечивает: «Нет человека – нет проблемы».

Какое уж там, к чертям собачьим, сочувствие чужой беде и дружеская помощь? Вот и проходят люди мимо лежащего на тротуаре человека, а то и вовсе перебегают на противоположную сторону улицы, потому что доброе дело наказуемо и милосердие может выйти боком.

– Спасибо... Василий. Я буду старательным учеником. Обещаю, если скажешь: «Ничего, ничего, не тревожься, спи дальше...», или «Садись, Петро, пообедай», – дважды повторять не придется.

Ну да. Я же тоже из будущего. Просто и искренне «спасибо» сказать мне запаadlo. Непременно надо повыеживаться. Лишний раз независимость продемонстрировать.

Какое-то время Полупуд обдумывал мои слова, а потом крякнул и пригладил ладонью усы.

– Зух! Будут из тебя люди... Как завернул, псяюх... Садись, пообедай... Чтоб мне полпуда соли без хлеба съесть, ежели славный казак из этого желторотика не выйдет! Если только вошь не загрызет и не затопчет!.. Хе-хе...

Василий наверняка прибавил бы еще какую-нибудь казацкую прибаутку в том же духе, если б неподалеку не раздался трубный рев крупного животного. Такой громкий и протяжный, что перекрыл женский плач. Мгновенно заставив всех притихнуть.

* * *

– Тур?.. – несколько удивленно произнес запорожец, приподнимаясь в стременах и вглядываясь в колышущееся море трав. – Черт! Неужто какая-то из наших буренок в охоте? Как же он почуял?

Полупуд наслонявил палец и поднес руку над головой, определяя направление ветра.

– Ну, точно... Как раз туда веет, зараза. Только этого нам и не хватало.

Подтверждая правильность догадки Василия, из стада послышалось хриплое мычание коровы. И тур немедленно заревел в ответ. Громко, требовательно и, что важнее, существенно ближе. Хотя самого животного среди высоких, вровень с седлом, стеблей ковыля, чернобыльника, полыни и других степных трав видно еще не было.

Тур...

Я порылся в памяти и припомнил, что читал о степном исполине, в моем мире уже ставшим ископаемым. Поскольку при посильной помощи человека это животное – предок нынешнего поголовья БРС – окончательно вымерло в начале семнадцатого века.

Кстати, вот и первая временная вилка нарисовалась...

Когда была официально зафиксирована кончина последнего экземпляра, точнее вспомнить не удалось. К тому же мне вполне мог попасться и нелегал, избежавший статистического учета... Или мигрант из неохваченных цивилизацией мест. Ну а без шуток – если туры все еще «бороздят просторы украинской степи», значит на дворе максимум первая половина этого самого XVII столетия. А первая Сечь – Томаковская – была заложена во второй половине шестнадцатого века. К сожалению, опять-таки по официальной версии... Такой вот разброс.

Но об этом можно и после покумекать, поскольку, помимо условной даты смерти этого вида млекопитающего парнокопытного, я вспомнил, что тур был весьма опасным и свирепым животным. Взрослый самец – это не только ценный мех (ха-ха), но и два метра в холке, полторы тонны сплошных мышц и длинные, острые рога. Причем, несмотря на внушительную массу, тур двигался очень быстро. На коротких дистанциях легко догоняя лошадь... даже без всадника. И, если верить очевидцам, подхватив коня на рога, мог зашвырнуть его на дерево. Так что в круге средневековых любителей острых ощущений охота на тура считалась гораздо опаснее, чем на медведя...

Я сказал «был»?!

Мощная черно-бурая спина вспорола травостой метрах в пятидесяти правее от нас, уверенно держа курс на обоз. Ведомый запахом и инстинктом, бык двигался напрямик, точно удерживая цель, как магнитная торпеда или атакующая акула. Но вот на какой-то миг ветер сменил направление, и тур остановился. Фыркнул раздраженно, поднял голову, принюхиваясь, – и над травами показались устрашающих размеров рога. По полметра в каждом... не меньше. Даже если у страха глаза велики. И не разведенные в стороны, как у домашних быков или буйволов, а нацеленные вперед. Боевые вилы, а не рога.

– Ой, не вовремя его нелегкая принесла... – недовольно проворчал Полупуд, приподнимаясь в седле и внимательно оглядывая животное. – Здоровый бугай... Наделает беды, если до обоза доберется... Надо как-то отогнать... – казак вынул из сагайдака составной лук, тот самый, отнятый у бека, проверил натяжение тетивы и недовольно поморщился. – И это еще самый лучший... Эх, мушкет бы сюда. Хоть с одним зарядом... – потом вспомнил обо мне. – Слышь, Петро, ты не суйся. Давай вон к бабам... От греха подальше... С туром шутки плохи. И «Отче наш» промолвить не успеешь, как к ангелам отправишься. Или куда там тебя святой тезка определит.

Рев зовущего самку быка встревожил и женщин. Что такое разъяренный бык, деревенским жителям объяснять не надо. Позабыв о горе и слезах, девки и молодницы перебрались на противоположную сторону обоза, встав под защиту телег и флегматичных волов. Я, в общем, тоже был не против заныкаться куда подальше от дикой зверюги... но присоединиться к бабам... Счас! Извини, Василий, но ты не прав. Прячась за телегой от каждой напасти, казак не станешь.

Пользуясь тем, что запорожец больше не обращает на меня внимания, я потихоньку двинулся следом за ним, держась левее, чтобы взять тура в вилку. Из общего развития я знал, что животные всегда атакуют ближайшую цель и выбирать не любят. Поэтому какое-то время пребывают в растерянности. И такая маленькая хитрость могла дать казаку лишние секунды для прицеливания или для дополнительного выстрела.

Учув приближение всадников, огромный бык на какое-то время замер, поводя головой. Длинные изогнутые рога тура, более темные и хорошо видимые на серебристо-сером фоне трав, напоминали наклоненную вперед рамку радиолокатора, ловящего устойчивый сигнал. Вот он повернул голову в мою сторону, потом – нацелился на запорожца. Но тут «гуляющая» корова снова призывно замычала, и тур, забыв о людях или посчитав их неопасными, двинулся на зов плоти. Прибавляя в скорости с каждым шагом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.